

Нина Визгина

---

*И ПОЛОН
МИР ЧУДЕС*

Повести и рассказы

Нина Визгина

**И полон мир чудес.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Визгина Н. А.

И полон мир чудес. Повести и рассказы / Н. А. Визгина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838067-9

Кто не любит тайны и загадки? Если не удастся в них поучаствовать, почему бы тогда их не загадать? Сколько неизведанного, более похожего на удивительные миражи, таит наша жизнь! И ведь бывает! Бывает же! Или может быть? Или быть может...

ISBN 978-5-44-838067-9

© Визгина Н. А.
© Издательские решения

Содержание

Миражи	6
Тайна	7
Куда кривая вывезет	22
Возвращение	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

И полон мир чудес Повести и рассказы

Нина Визгина

*Верить в чудо человек мечтал всегда. Почему бы не помочь ему
помечтать?*

© Нина Визгина, 2017

ISBN 978-5-4483-8067-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Миражи

Вступление к волшебным историям сборника

Как часто людей пугает незнакомое, неведомое, непонятное. Неожиданная встреча с волшебством приводит многих в растерянность. Их страшит необъяснимое, странное, потому как первая мысль рождается чувством самосохранения – а вдруг это может грозить бедой или просто нарушением размеренного, привычного жизненного уклада.

Может потом и остается чувство какой-то потери, но человек старается об этом забыть, чтобы лишний раз не тревожить себя, не сожалеть об упущенных возможностях. Не все готовы к встрече с чудом, многие мимо пройдут, ничего не заметив. А значит и не соприкоснутся с тайнами великой Вселенной.

Чтобы летать, необязательно иметь крылья – главное, чтобы никто не мешал мечтать о полете.

Окружающий мир полон чудесных тайн – надо только вовремя их замечать.

Что мы можем знать о духах мироздания, если о своей сущности не знаем ничего? Но верить в чудо человек мечтал всегда. Почему бы не помочь ему помечтать?

К тому же, кто не любит тайны и загадки? Если не удастся в них поучаствовать, почему бы тогда их не загадать?

Сколько неизведанного, более похожего на удивительные миражи, таит наша жизнь!

И ведь бывает! Бывает же!

Или может быть?

Или быть может...

Тайна

И зачем только я согласилась на эту дурацкую поездку за грибами. Сидела бы сейчас дома в удобном кресле, потягивая модный зеленый чай и бездумно смотря очередную передачу о том, как из того да из этого приготовить что-то необычайно вкусное. Ну, делать мне больше нечего после суматошной рабочей недели в субботний день, как только изобретать у плиты заморские блюда. В любом случае я, конечно, ничего не стала бы готовить. Не для кого мне кулинарить, а для себя, любимой, убивать время на кухне просто-напросто лень. Так уж сложилось, что обитала я в стольном граде в гордом личном одиночестве. Родители остались в далеком сибирском городке, где спокойно проживали вместе с семьей моего старшего брата. Я же после окончания столичного университета сначала осталась в аспирантуре, где успешно поучаствовала в нескольких продвинутых проектах, а затем перебралась руководителем в престижный отдел очень непростой компьютерной фирмы. Конечно, во многом здесь сыграли большую роль не только мои отличные профессиональные навыки, но и знание современных основ бизнеса и английского языка. Работать было очень интересно, а главное настолько прибыльно, что я и не заметила, как к своему сорокалетнему юбилею подошла хоть и не плохо выглядевшей, но абсолютно свободной дамой. Правда, до сих пор гордое одиночество меня особенно и не напрягало.

Мужчины, конечно, случались в моей жизни, но не задерживались в ней надолго, во всяком случае, не настолько долго, чтобы умудриться мне выйти замуж, родить ребенка, а уж потом разбежаться. Ну, на худой конец хотя бы успеть этого ребенка завести. Я не винила своих бывших кавалеров – скорее всего, сама предъявляла к ним слишком большие требования. Что тут поделаешь – ну, не встретился на моем пути простой сильный мужик Вася или Петя, такой, чтобы не требовал к себе повышенного внимания, не вертелся по утрам долго перед зеркалом, рассматривая, как смотрится он в новом костюме и подходит ли к модной рубашке выбранный галстук. Ну, не повезло мне со спутником жизни. Возможно, мегаполис накладывал на них некий отпечаток инфантильности – когда водились бы деньги и все тебе будет, даже ручкой шевелить не надо. И хотя на сегодняшний день окружающие меня мужчины сплошь слыли людьми умными, своими руками обеспечившие себе достойную жизнь, общаться с ними подолгу я не могла потому, как вели они себя в жизни также прямолинейно как я сама, и занудство их доставало меня уже после нескольких встреч.

По натуре, да и по возрасту я давно не любитель диких поездок на природу. Но в этот раз в городе стояла ужасающая духота, и я поддалась на уговоры молодежи отправиться в какое-то особенное место, которое обещал показать зам нашего директора. К тому же в тех краях имел он симпатичную дачку и сулил к вечеру устроить сногшибательные шашлыки.

Субботний день начинался замечательно. Светило солнышко, зеленела травка, в лесу стояла прохлада, и даже попадались вполне приличные грибы. От города мы отъехали довольно далеко, так что народу в лесу встречалось не так уж много. Углубившись в чащу, я и вовсе перестала кого-либо видеть, но пока слышались переделки молодежи, мне и в голову не приходило, что в этих местах можно заблудиться. Внезапно набежали серые тучки, и подул неприятный холодный ветерок. Лес сразу стал казаться неприветливым, враждебным. Я посмотрела на часы – пока только полдень, до намеченного времени сбора оставалось еще несколько часов, но все равно решила возвращаться к дороге. Вскоре начал накрапывать мелкий гнусный дождик и рыскать по лесу пропала всякая охота.

Сначала я шла вполне спокойно пока не поняла, что никак не могу перейти какой-то ручей, который утром мне и не встречался вовсе. Решив, что до сих пор ходила по кругу, я стала оставлять метки, но и через час, убедившись, что вовсе не кружила, найти нужную дорогу мне так и не удалось. Вот когда я впервые в жизни прочувствовала, что значит, когда неудержимая

паника захватывает тебя, и ты уже не можешь не только рассуждать здраво или соображать что-либо, а даже дышать становится невозможным от заполняющего все твое нутро ледящего ужаса. Казалось, что тебя внезапно заточили в плотный мешок – в глазах темно, уши заложены неестественной тишиной, и только слышно, как ухает собственное сердце.

И этот чертов ручей! Он журчал и журчал, в какую бы сторону я не ткнулась, а перейти его все не решалась потому, как веяло от него необъяснимой угрозой. Он не казался чистым светлым ручейком, как в песне поется. Скрытый коряжистыми ветками и старой пожухлой травой мрачный поток холодной воды постоянно перегораживал мне путь, и я сильно подозревала, что дно ручья затянуто болотистой тиной. В общем, я решила ни за что его не переходить. Да и не пересекала я никакую воду, когда углублялась в лес от нашей стоянки. Вся промокшая, я с отчаянием вспоминала, как, не желая париться в теплый летний день, оставила в автобусе курточку, а в кармане ее находился предмет, с которым в городе я никогда не расставалась – мой сотовый телефон. Телефон! Я даже застонала от осознания своей невозможной глупости, что не захватила его с собой в лес.

Чтобы хоть немного успокоиться и не дать панике полностью захватить меня, решила остановиться и подумать, как действовать дальше. Нырнув под раскидистую ель, чтобы спрятаться от усиливающегося дождя, я обхватила голову руками и крепко зажмурила глаза. На фоне тихого равномерного шума падающих капель улавливалась странная тишина. Никогда в городе не бывает такого безмолвия. А здесь даже птиц не слышно, только мерное шуршание дождя по еловым веткам.

Что же делать? Куда направиться? Вопрос этот долбился в голове, никак не давая сосредоточиться на конкретной мысли – продолжать идти в какую-то одну сторону или все-таки остаться на одном месте? Но если и оставаться, то все равно необходимо найти более открытое пространство. Здесь под густыми ветвями меня трудно заметить. Я нехотя выползла из своего убежища. И что дальше? Небо по-прежнему оставалось затянутым сплошной серостью, но с одного края виднелось небольшое просветление, и я быстро припустила в ту сторону, надеясь не наткнуться в очередной раз на проклятый ручей, который, по моему мнению, должен был остаться где-то за спиной.

Вскоре я выскочила на хорошо утоптанную тропинку, покрытую светлым желтым песком. В глаза бросился высокий столбик с указательной табличкой ВЫСЕЛКИ. На светлой перекошенной дощечке вторая буква была перечеркнута черной жирной чертой и сверху подписана буква Е, так что слово «выселки» превратилось в «веселки». Нехитрое творчество казалось не очень понятным – то ли действительно указывало на веселую деревеньку, то ли просто пошутили местные аборигены.

И все-таки мне стало немного легче от мысли, что поблизости могли быть люди, во всяком случае, ходил же здесь кто-то. Дорожка четко вела дальше, еще немного и показался крайний дом деревни. Но первое же строение вогнало меня в глубокое уныние. Избушка выглядела настолько ветхой, что не оставалось ни малейшего сомнения в том, что заброшен двор основательно и очень давно. Я прошла дальше и так по ходу узрела еще несколько таких же развалюх. Станным было то, что улочка состояла только из одного ряда домишек, по другую сторону мрачнел сплошной лес. Но стоило мне подойти к огромным елям поближе, как все стало понятным – вдоль дремучей чащи бежал знакомый жуткий ручей.

Дождь прекратился внезапно, и хотя солнце по-прежнему скрывали серые облака, сразу потеплело и стало намного светлее. До вечера еще, казалось, далеко и меня охватила надежда, что, может быть, успею-таки засветло выбраться на какую-нибудь цивилизованную дорогу. Ну, добирались же до этих выселок каким-то образом. Неожиданно в самом конце улицы я обнаружила вполне приличный дом. Даже издали было видно, что подход к нему травой не зарос, как возле других изб, и окна казались целыми, хотя и плотно закрыты – возможно, по причине

ненастья, да и комары, думаю, не доставляли особой радости его обитателям, хотя присутствия лесных кровососов я пока не замечала.

Вдруг калитка возле ухоженного дома распахнулась и на улицу вышла странная старушенция – сухопарая, пригнутая от старости, но одетая чисто и опрятно, вполне сообразно современным бабушкам, волосы слегка прикрыты небольшим платком так, что виднелась абсолютная седина. Головной убор ее сразу бросился мне в глаза своим кокетливым видом – очень блестящий, как из серебра, несмотря на отсутствие прямого солнечного света. Если бы не удивительно ясные глаза и аккуратная прическа лесную жительницу вполне можно было принять за бабу-ягу из современных сказок. Но мне сейчас было не до детских страшилок, я так обрадовалась старушке, что не сразу обратила внимание на ее необычный вид. Я начала быстро докладывать незнакомой старожилке, что заблудилась, и попросила ее помочь мне найти обратную дорогу.

Но странное дело, чем дольше я говорила, тем сильнее меня охватывало ощущение, что бабка не просто меня не слышала, но и вовсе не замечала моего присутствия. Наконец, не выдержав, я самым наглым образом сдвинула с ее ушей плотно повязанный блестящий платок, надеясь, что мой поступок вынудит ее обратить на меня внимание. Мелкое хулиганство возымело свое действие – старушка вроде как очнулась и, уставившись на меня своими глазами – льдинками, неожиданно произнесла ровным голосом странную фразу:

– Значит, еще одна попалась. И что же мне с вами делать? Ну, ты иди пока в дом, отдохни, потом потолкуем.

Она поманила меня рукой и удивительно резво посеменила во двор, но в избу не пошла, а завернула за сложенную на углу поленницу. Мимоходом я отметила про себя, что дрова в этой поленнице казались очень старыми. Обычно подобное деревенское сооружение радует глаз желтизной свежего дерева, здесь же все выглядело потемневшим от времени, какими становятся пролежавшие много лет под открытым небом старые доски.

Первым моим желанием было последовать за бабкой, но ноги сами понесли в сторону крыльца, и я, решив принять приглашение хозяйки, вошла в избу. Здесь пахло чем угодно, только не жилым домом. На меня обрушилась смесь запахов летнего леса – прелого листа и луговых цветов, скошенного сена и грозового дождя. Вдоль стен плотно стояли деревянные лавки. Стол в центре был завален пучками сушеных трав и веток. В дальнем углу на широкой лавке, больше похожей на лежанку, находилось что-то крупное, прикрытое светлым полотном. Видимо, ресурс удивляться и пугаться на сегодняшний день мой организм уже исчерпал, потому к лавке я подошла без всякого опасения.

– Это все происходит не со мной, это галлюцинация, кошмарный сон и больше ничего, а во сне можно делать все, что угодно, и ничего плохого не может со мной случиться, – подобные мысли постоянно крутились в моей голове и, как ни странно, такое самовнушение меня совсем успокоило.

Укрытый почти до глаз на лавке лежал рослый мужчина лет сорока – сорока пяти. Он явно был нездоров, я только не могла понять – спал он или находился в беспамятстве. Я немного сдвинула с него покрывало. Вполне современный вид незнакомца меня окончательно успокоил. Модная рубашка была расстегнута у ворота, на груди в области сердца виднелся травяной компресс, а голову обматывала влажная резко пахнущая тряпица, сквозь которую у левого виска проступали свежие пятна крови. Похоже, человек не просто заболел, а получил недавно серьезную травму, и бабка, наверное, оказала ему первую помощь.

У ближнего окна на подоконнике лежал дорогой галстук и, о радость! – сотовый телефон. Я быстро схватила крутую игрушку, но радость моя оказалась преждевременной. Телефон был полностью разряженным, и зарядить его, конечно, не представлялось никакой возможности, даже если бы я нашла к нему зарядное устройство – в деревушке отсутствовало электричество.

В этом странном поселении вообще ничего не имелось из того, что, казалось, должно было быть в мало-мальски обжитом месте.

Мои электронные часики отказали еще, когда я бродила по лесу – то ли от сырости, то ли батарейка по закону подлости села именно сегодня. Фирменные часы на руке мужчины тоже стояли. Вполне возможно они могли оказаться механическими, и тогда их надо только завести, но выставить время все равно было не по чему – в доме никаких часов не наблюдалось.

Тут же возле окна стояла металлическая колба с водой и стакан из того же материала. Предметы выглядели вполне современными, оставалось только гадать, как они сюда попали, вряд ли они могли принадлежать раненому мужчине – в карман такие вещи не положишь. Я нащупала пульс незнакомца – сердце билось замедленно, но довольно четко.

Не зная, что делать дальше и, боясь навредить больному, я не стала пытаться его разбудить, решила дождаться хозяйку и у нее выспросить, как раненый человек попал в ее дом. Я присела рядом и постаралась внимательнее рассмотреть мужчину. Что-то неуловимо знакомым показалось мне в очертаниях его лица. Повязка так плотно прикрывала голову, что невозможно было увидеть волосы, но по отросшей щетине на щеках я предположила, что он, скорее всего, темный шатен.

Я снова взяла мужчину за руку, чтобы отогнуть манжет рубашки. Таким образом, по степени загрязнения я попыталась предположить, как долго он здесь находился. Такие крутые парни, к каким я отнесла незнакомца, каждый день выходили во внешний мир в свежей рубашке. Вид манжеты меня озадачил – рубашка казалась абсолютно свежей. А как же травма? Но эксперимент мой дал все-таки свой, правда, очень неожиданный для меня, результат – под рукавом с тыльной стороны руки виднелся небольшой старый рубец крестообразной формы. Когда-то я знала такую руку, вернее знакома была с человеком, имеющим подобный шрам на правом запястье.

Стоп! На правом запястье, но я-то сейчас рассматривала левую руку незнакомца. Хотя, прошло столько лет и, вполне возможно, я уже что-то путаю. Мы не встречались с ним ни разу после окончания университета. И все-таки раненый был очень похож на моего бывшего сокурсника Романа Снегова, ставшего в дальнейшем крупной деловой фигурой в финансовом мире. Меня захватили воспоминания студенческой юности.

***

Мы занимались на разных факультетах. Знакомство наше произошло совершенно случайно, а закончилось при очень неприятных обстоятельствах. Я училась в то время на первом курсе и обожала свой студенческий городок. Стояла снежная зима, приближался Новый год. В университете устраивали новогодний бал. Это было так здорово – надеть свое лучшее платье, почувствовать себя юной красавицей и отправиться не на какую-то самодеятельную школьную вечеринку, где приходилось танцевать с одноклассниками, сопящими тебе в пуп, а на настоящий студенческий бал. В таком приподнятом настроении и заявила я тогда на праздничный вечер. Но после торжественного поздравления ректора началась обычная дискотека, и я была разочарована ее предсказуемостью. Сначала парни начнут потихоньку поддавать, затем появятся полураздетые девицы, музыка перейдет в сплошную какофонию, и в полутьме начнутся тряски, где уже непонятно, кто с кем танцует. Так полным бедламом все и закончится, как только кончится выпивка.

Не дожидаясь конца развеселого бала, я отправилась домой, которым мне в ту пору служило общежитие. Мы обитали вдвоем в комнате с девушкой, которую я пока мало знала. Вера училась на другом факультете, и мы встречались обычно только поздно вечером, а с утра разбегались каждая по своим лекциям. Но наша комната к моему удивлению оказалась запертой изнутри, причем оттуда ясно слышались мужские голоса на фоне негромкой музыки. Пришлось постучать, мне тут же открыли. За столом, накрытым довольно изысканной закуской, сидели моя соседка со своей подружкой и двое незнакомых парней. Захмелевшие кавы-

леры тут же стали энергично знакомиться и приглашать меня за стол. Настроение испортилось окончательно, но гудели уставшие в новых туфлях ноги, да и деваться мне было некуда. Ну не будут же они всю ночь веселиться. И я решила их переждать. А напрасно!

Если б только могла я предположить тогда, как дальше развернутся события – бежала бы оттуда сломя голову. Когда выпивка кончилась, гости решили немного потанцевать. Меня пригласил высокий темноволосый Роман. Вера стала танцевать со вторым парнем. В это время ее подруга, по-видимому, разобидевшись на оставившего ее в одиночестве кавалера, оделась и ушла. Было уже очень поздно, о чем я и высказалась вслух, предложив закончить вечер. Ребята со мной тут же согласились и галантно предложили девушкам самим выбрать себе кавалеров на ночь. От неожиданности я так растерялась, что не сразу нашлась, что ответить нахам. До Веры первой дошло, чем может закончиться пьяная канитель, и она решительно потребовала от парней, чтобы они отправлялись восвояси. Но избавиться от гостей оказалось не так-то просто. Те вдруг нагло заявили, что уходить им несподручно, поскольку жили они в центре города, транспорт давно перестал ходить, и они останутся у нас до утра. К тому же за хороший стол следовало бы с ними расплатиться. Один из них тут же схватил мою соседку и начал проворно расстегивать на ней платье.

Поняв, что словами наглецов не остановить, я выскочила в коридор и побежала вниз по лестнице к вахтеру. Следует отметить, что огромные окна в лестничных пролетах нашего общежития находились почти на уровне пола. Второй парень, а им оказался Роман, вконец обозлившись, что я успела выскочить из комнаты, со всех ног кинулся за мной, но, не рассчитав своего движения и не успев вовремя повернуть на конце лестничного марша, со всего размаха выбивая стекло, вылетел из окна третьего этажа. Парню повезло, что он упал на большой сугроб свежего снега, значительно смягчивший удар при падении. В ужасе от произошедшего я с трудом заставила себя выглянуть в разбитое окно, выходящее на внутренний двор. В такой поздний час внизу, конечно, никого не оказалось. Я выскочила на улицу через запасной выход и сразу увидела своего обидчика. Он лежал без сознания лицом вниз, широко раскинув руки. Под правой рукой расплывалось большое пятно крови. Видимо летя с лестницы по инерции и разбивая окно, парень и поранил руку – осколки стекла основательно впились в его запястье. Кровь продолжала толчками сочиться из порезов, и я, перетянув раненому руку резинкой из своей прически, побежала на вахту за помощью. Позже я узнала, что Роман отделался переломами нескольких ребер и несерьезными ушибами, но сильные порезы на руке оставили ему характерный шрам на всю жизнь.

После пьяного полета не исключили Романа Снегова из университета только благодаря связям его отца. Выписавшись из больницы, парень тотчас пожаловал ко мне с извинениями, но по его злым глазам я сразу поняла, что визит этот скорее был приневолен сложившимися обстоятельствами, нежели его раскаянием. Сначала я не могла понять, за что Снегов так обозлился на меня, когда сам был виноват во всем случившемся, пока не догадалась, чего опасался он на самом деле. Все посчитали тогда, что студент выпал из окна, будучи пьян – никто ведь не видел, как он гнался за мной по лестнице. Что же касалось меня, то я и не собиралась никому рассказывать, что произошло на самом деле, о чем и заявила своему обидчику, только чтобы он навсегда исчез с моих глаз.

Честно говоря, мне всякий раз становилось не по себе при воспоминании о несчастном случае в общежитии, поскольку я хорошо понимала, что парень тогда не погиб по счастливой случайности. Роман еще долго ходил с перевязанным запястьем. Все время учебы я старалась с ним не встречаться. Да и он, думаю, тоже стремился избегать встреч со мной. И нам это вполне удавалось. Только однажды много позже на общих спортивных соревнованиях я случайно увидела, какой неровный шрам остался у него на запястье после травмы. Мы с ним в одно время закончили учебу и разлетелись по местам своего распределения. Я бы и вовсе забыла о существовании Романа Снегова, не стань он такой заметной фигурой в финансовом мире.

Пути наши в дальнейшей жизни больше никогда не пересекались и о моем существовании на белом свете, я думаю, он давно позабыл. Я возможно тоже и не вспомнила бы об этом человеке ни разу, если бы не постоянное упоминание о нем в деловых кругах, не мелькание его на телеканалах во всевозможных политических передачах. И вот спустя столько лет такая фантастическая встреча!

Тут я вспомнила, что слышала о Снегове последний раз не далее как нынешней весной вскоре после майских праздников – тогда передали... Боже мой! Да тогда же передали, что автомобиль с его семьей взорвался по дороге на дачу, все погибли, и он в том числе. Известие об этой трагедии вызвало у меня сожаление как у любого нормального человека, но не более того. Я прекрасно помнила некролог в газете и помещенный там портрет Снегова. Теперь мне казалось, что даже галстук на нем на том фото был тот же, что валялся сейчас на подоконнике. А может, это все-таки сон и ничего такого не происходит на самом деле?

***

Затаив дыхание, я тихо сидела в странном чужом доме, где меня постоянно не покидало ощущение нереальности происходящего. Было в окружающей меня среде что-то неправильное, что-то не из нашего времени. Казалось, какая-то тайна все сильнее окутывала меня и цепко удерживала, как тот страшный ручей, не давая двинуться дальше. Держала потому, что я эту тайну не понимала и, потому разгадать никак не могла.

Постепенно глаза стали закрываться, и я не заметила, как заснула, вытянув усталые ноги. Мне снилось, что кто-то снимает с меня влажную одежду и осторожно укладывает меня на пахучее сено, укрывая теплым и очень легким одеялом. Проснувшись я в одной футболке, завернутая в тканое покрывало – такой экспонат видела когда-то на школьной экскурсии в краеведческом музее. Рядом лежала моя одежда, просушенная и чистая.

Чувствовала я себя совершенно отдохнувшей и очень голодной, хотя, судя по освещению в комнате, вроде бы времени прошло не так уж и много – даже вечер еще не наступил, так как в избе было достаточно светло. Мужчина по-прежнему крепко спал – ничего не изменилось в его позе, только на головной повязке исчезли пятна крови, из чего я сделала вывод, что повязку ему сменили. Кто? А за мной кто поухаживал?

Бесшумно распахнулась входная дверь, и вошла старая знакомая. Нарядный платок съехал бабке на плечи, а в руках блестела полировкой металлическая миска, глядя на которую, так и слышалась рекламная фраза «тефаль – ты всегда думаешь о нас». В месте, где все состояло из дерева, травы и натурального полотна, видеть такой современный предмет было очень странно. Похоже, миска состояла в одном посудном наборе с графином и стаканом для воды, что стояли на окне возле раненого мужчины.

– Проснулась, есть хочешь, – бабка не спрашивала, а утверждала, выставляя на стол блюдо с картошкой, от которой чудесно пахло укропом.

– Кто вы, как вы здесь живете? И как сюда попал этот человек?

– А ты сама-то как сюда попала? – строго спросила старушенция, не потрудившись ответить ни на один из моих вопросов.

Я снова подробно начала рассказывать про свое блуждание по лесу, а она только покачивала головой.

– И говоришь, ручей нигде не пересекала? – еще раз переспросила меня бабка.

– Да, нет же! Я постоянно на него натыкалась, но перейти не решалась, страшно было. Все время казалось, что он очень глубокий и мне не хватит сноровки его преодолеть. И потом я прекрасно помнила, что раньше на пути его не встречала.

– Странно, сюда нельзя попасть иначе как, перейдя его или..., – и она замолчала в глубокой задумчивости.

Я продолжала тихо сидеть в ожидании, когда хозяйка снова заговорит, отметив про себя, что о мужчине та упорно ничего не рассказывала. После еды мною неудержимо начала овладевать дрема и не в силах больше противиться ей я снова заснула.

Пробуждение происходило медленно и странно, в голове, словно кадры сумбурного кино, прокручивались мои лесные похождения, встреча с таинственной старушкой, незнакомец в окровавленной повязке и – я открыла глаза. Уже вечерело или снова вечерело? Не могла сообразить – тот же это день или я проспала так долго, что наступил уже следующий?

Как и в прошлый раз в избушку бесшумно скользнула бабка и водрузила на стол блестящую миску, уверяя меня, что я голодна, и необходимо поесть. К своему удивлению я действительно снова ощутила сильный голод. От предложенной еды шел такой аппетитный аромат, что я с удовольствием приступила к трапезе, но при этом никак не могла сосредоточиться, поймать какую-то очень важную самую главную для себя мысль, которая крутилась в голове и все время ускользала от меня.

Я растерянно огляделась – мужчина по-прежнему находился без сознания. Внимание мое привлекла повязка на его голове, на ней снова проступили пятна крови, а по щеке раненого медленно стекала небольшая красная капля. Вид окровавленного бинта подействовал на меня, словно звонок будильника – вывел из оцепенения.

– Да, что же здесь происходит, в конце то концов? Почему вы умалчиваете о раненом мужчине? – чувствуя, как начинаю терять самообладание, закричала я. – Помогите же мне выйти к людям, ну, пожалуйста, – закончила я уже почти шепотом, с большим трудом, стараясь сдерживаться, чтобы уж совсем не потерять контроль над собой и подавляя подступающие слезы.

Видимо, прочувствовав все же мое взвинченное состояние, хозяйка быстро подошла ко мне и неожиданно погладила по голове, будто проверила, нет ли у меня жара. Инстинктивно я попыталась уклониться от ее руки, но не успела и вновь погрузилась в странный сон. Мне снилось, что старушка уложила меня на лавку, затем подошла к столу и начала там что-то перебирать, после чего направилась к мужчине и сменила ему головную повязку, а на грудь положила свежий компресс. Сквозь туманную дрему я наблюдала за ее действиями не в силах сбросить охватившее меня оцепенение. Поколдовав еще немного над раненым, бабка накинула свой распрекрасный платок на голову и вышла из дома, так сильно хлопнув дверью, что ее грохот окончательно вернул меня в реальность.

Нет, я вовсе не спала, а находилась в необъяснимом гипнотическом трансе. Мое взвинченное состояние ослабило действие бабкиного прикосновения, и на этот раз я смогла придти в себя раньше ее нового появления. Я начала догадываться, что в ее планы вовсе не входило помочь мне выбраться отсюда, во всяком случае, в ближайшее время, хотя никак не могла понять, зачем ей нужно мое присутствие. А может она прячется здесь от людского мира и боится, что мое вызволение отсюда раскроет ее тайное убежище? Бред какой-то! Кому может мешать старый человек? Нет, думаю, все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Кроме того, у этой тайны имелся еще один персонаж.

Почти уверенная в том, что раненый мужчина это именно Снегов и подозревая, что его сон тоже не совсем обычен, я решила подойти к нему и разбудить, во что бы то ни стало. У человека, ослабленного сильной травмой, возможно, просто не хватало сил очнуться самому без внешней помощи от бабкиного гипноза. Я осмелилась приподнять компресс на груди мужчины – на чистой коже ни царапины – и я убрала его совсем, но повязку на голове трогать не рискнула, так как на виске вновь проступило свежее пятно крови.

Вдруг Роман открыл глаза и, не мигая, уставился прямо на меня. В его взгляде чувствовалась неуверенность и страх потерявшегося человека. Одно из двух – либо мужчина ничего не помнил, либо напротив вспомнил все до последнего момента взрыва и сейчас гадал, на каком он свете.

– Вы Роман Снегов?

– Кто вы? – спросил он, игнорируя мой вопрос.

Я решила первой рассказать все, что со мной произошло – и как я заблудилась и очутилась здесь, и про чудную хозяйку избушки, что приютила нас обоих, и про странный нескончаемый день. Мужчина слушал молча, не перебивая и почти не мигая, но по выражению его глаз я догадалась, что он, если и слышал меня, то все равно не воспринимал адекватно. А может быть, он на самом деле вообще видел совсем не то, что я?

– Почему вы молчите? Вы меня слышите? Вы помните, как сюда попали, Роман?

Я нарочно назвала мужчину по имени и по тому, как тот вздрогнул, поняла, что не ошиблась. Это действительно был Снегов. Я же пока решила не называться, хотя вряд ли он меня помнил. Во всяком случае, до тех пор, пока Роман сам не спросит, представляться, а тем более рассказывать что-либо лично о себе мне не хотелось. Я не собиралась ворошить старое, только глупых разборок с прошлым мне сейчас не доставало.

– Я ничего не помню, очень голова болит, – Снегов застонал, схватившись за повязку.

В этот момент в избу вошла бабка. Она проворно подскочила ко мне, выхватила снятый компресс и быстро приложила его к груди мужчины. Роман тот час же закрыл глаза и снова отключился.

– Не делай больше этого, – строго произнесла хозяйка, как приказала, зыркнув на меня глазами – льдинками.

– Почему вы не даете ему придти в себя? Вы ничего не объясняете, а поступаете очень странно. Я знаю этого человека, и мы вместе с ним могли бы сами выбраться отсюда. Раз вы не хотите помочь, ну тогда хоть не мешайте мне, – я попыталась оттолкнуть старуху от лавки, но странное дело, руки мои бессильно опустились, до бабки я даже не смогла дотронуться.

– Да не держу я тебя. Уходи, если сможешь, только ведь убедилась сама, что одной тебе отсюда выбраться не получается. Вот и привел сюда твой путь – именно тобой выбранный путь, ты сама сюда пришла, значит, так было надо.

– Надо? Кому было надо?

– Тебе самой.

– Мне самой? Зачем? Бред какой-то, – возразила я и подумала, что глупо вступать в дискуссию с сумасшедшей бабкой, съехавшей с катушек в глухомани от одиночества.

Злость и понимание собственного бессилия все больше овладевали мною. И отчаяние, дикое отчаяние от безумия происходящего вокруг. К тому же я вполне отдавала себе отчет в том, что как бы в прошлом не относилась к Снегову, сейчас уже не смогу оставить его в таком беспомощном состоянии во власти безумной старухи. Я опять попыталась взять его за руку, но меня остановили резкие слова хозяйки:

– Не тревожь его, иначе он может умереть – слишком серьезна рана на голове. Пока не удалось с ней справиться – на это мне еще нужно время.

Я давно обратила внимание, каким современным языком разговаривала со мной старуха, будто постоянно вращалась среди людей или, по крайней мере, читала газеты. Эту очередную ее странность я отметила для себя до поры до времени, чтобы осмыслить позднее, а пока сделала вывод, что в свою очередь и меня бабка должна прекрасно понимать.

– Время? Кстати, а что тут у вас творится со временем? Часов никаких нет, день тянется бесконечно, солнца не видно, но и ночь никак не наступает. Или я все-таки брежу, и ничего вокруг меня этого нет и никого со мной тоже нет, – я постаралась, как можно выразительнее обвести руками вокруг себя, даже не надеясь на вразумительный ответ.

– Не я призвала вас сюда – вы сами здесь очутились. Сначала он, и это произошло действительно по воле случая, но с тобою все не так-то просто. Думаю, ты здесь оказалась, чтобы помочь мне спасти его, – бабка бормотала слова, даже не глядя в мою сторону, потом набросила на голову неизменный платок и снова вышла из избы.

Меня обдало резким запахом, который обычно бывает после сильной грозы. Такой воздух получался на выходе моего домашнего ионизатора. Озон? Я вспомнила, что каждый раз, когда старуха оказывалась рядом, появлялся запах грозовой свежести. Да, не проста бабка! На этот раз, покинув дом, она не усыпила меня. Почему? Я рискнула выйти на улицу и обследовать окрестности, до сих пор мне так и не удалось пройти дальше околицы. Сначала я решила осмотреть двор, откуда хозяйка все время появлялась с едой в современной посудине. Но ничего особенного там увидеть не удалось – старая поленница и сплошной деревянный забор. Я обошла дом вокруг и вернулась к калитке, которая на это раз оказалась распахнутой настежь – значит, выход свободен.

На улице по-прежнему глухо и безлюдно. Я решительно двинулась по утоптанной тропинке, но вскоре путь преградил знакомый ручей, а дорожка заворачивала, и я неожиданно оказалась за бабкиным подворьем. Предполагая, что и с геометрией пространства здесь может быть все не так просто, я со всех ног побежала вниз по улочке и наткнулась на знакомую табличку. За столбиком с надписью ВЫСЕЛКИ тропинка обрывалась, и дальше шумел сплошной лес. Все, мой путь замкнулся. Я бродила по замкнутому кругу, и мое время кружило вместе со мной. Я оказалась в ловушке – в ловушке времени и пространства, а сумасшедшим балом здесь правила псевдобабка, генерирующая озон. Вспомнилось, что она говорила про мой путь, что я сюда попала неспроста. Может, на самом деле кто-то в праве вершить наши судьбы, и я оказалась в этом тайном месте, чтобы помочь спасти Романа? Если все обстояло именно таким образом, тогда выбраться из ловушки мы действительно сможем только с ним вдвоем.

– Только вдвоем! – внезапно четко прозвучало у меня в голове.

Необходимо срочно вернуться в избушку, но обратная дорога вдруг оказалась намного длиннее, чем раньше. Или это я шла очень медленно? Еще издали я разглядела, что у входа меня ждали, но когда подошла к самому дому, хозяйки во дворе уже не было. В избе по-прежнему стояла настроженная тишина, и я сразу почувствовала – что-то изменилось. На голове Романа белела свежая повязка, а грудь стянул блестящий бабкин платок.

Старушка как всегда появилась очень тихо, и не проронив ни слова, встала рядом со мной. Я попыталась коснуться ее руки – убедиться, что она вполне материальный объект, но неожиданно наткнулась на холодную упругость, и отчетливо разглядела между нашими руками слой воздуха.

– Так тебя все-таки нет! – от неожиданности я вскрикнула так громко, что мужчина вздрогнул и открыл глаза.

– Я нахожусь в капсуле своего времени, мы не можем контактировать непосредственно на физическом уровне. Вы пробили брешь в другое пространство. Моя задача как можно быстрее ликвидировать возникший контакт, но я не могу этого сделать, пока вы оба пребываете здесь.

По растерянному изумлению в глазах Романа было понятно, что он тоже слышал этот бред. В то же время я отметила, как при разговоре сама старуха даже рта не раскрыла ни разу. Она продолжала молча стоять рядом со мной и не стала препятствовать, когда я решила подойти к лежанке и коснуться руки раненого.

– Вы слышали сейчас что-нибудь? – обратилась я к мужчине, стараясь поймать на себе его беспокойный взгляд.

Не говоря ничего, он только зажмурил глаза и слегка покачал головой, будто прогонял наваждение. Я решила, что надо незамедлительно ввести его в курс дела, при этом постараться так описать происходящее вокруг, чтобы это не выглядело для него бредом сивой кобылы. Но сначала мне пришлось в голову проверить внезапно мелькнувшую догадку.

– Если вы можете говорить, скажите, что и кого вы видите сейчас перед собой?

– Я вижу деревенскую избу, незнакомую женщину, то бишь вас, и большую игрушку в виде робота, похожая была у моего сына, – Роман отвечал тихо, но вполне вразумительно.

Все правильно, моя догадка оказалась верной – нашего спасителя, или тюремщика, уж не знаю кого, каждый из нас воспринимал по-своему. Я подробно рассказала Роману все с того самого момента, когда пошла в лес по грибы. Недоверчивость не исчезала из его глаз, но мужчина меня не перебивал, и я осмелилась доложить, какие выводы смогла сделать из всего происходящего вокруг нас.

– У меня здесь такое ощущение, будто время для нас остановилось, и все, что с нами случается, происходит вне нашего времени и вне обычного для нас пространства. Мы как будто выпали из своего мира и провалились либо в прошлое, либо в будущее, а может и вовсе в какой-то параллельный мир, поскольку я наблюдаю здесь какую-то смесь из всего этого. Но, если ваше появление в таком аномальном месте я еще как-то могу объяснить взрывом, возможно именно его силы хватило, чтобы пробить брешь в мироздании, то мое появление здесь объяснить затруднительно – ничего такого особенного со мной не происходило. Если только не высвободилась какая-то особая психическая энергия, когда меня охватила жуткая паника оттого, что я заблудилась.

– Вы хоть сами то понимаете, какую ахиною несете? Я скорее поверю, что мы с вами находимся в дурдоме, чем в инопланетян. Кстати пребывание в оригинальном пансионате вполне могло бы объяснить и то, что вы знаете мое имя. И потом я не понимаю, о каком взрыве вы говорите? – раздраженно пробурчал Роман, неприязненно глядя на меня, будто это я была виновата в его плачевном состоянии.

Ну, что ж, правильно я решила пока не напоминать сердитому господину Снегову о нашем давнем знакомстве, боясь затруднить с ним отношения – не хватало нам еще начать вспоминать прошлые обиды. Мужчина сделал попытку приподняться, но со стоном только смог принять сидячее положение. Видно было, что на большее у него не хватило сил. От движения бабкин платок соскользнул с его груди на пол и ручейком расплавленного металла потек в мою сторону. Страх я не испытывала, напротив непроизвольно протянула руку и ручеек, свернувшись каплей ртути, плавно вкатился мне на ладонь.

Внезапно все вокруг меня погрузилось в абсолютную тишину, а сама я начала стремительно подниматься ввысь. Я летела вертикально вверх и спокойно наблюдала, как сворачивалась внизу в зеленую точку аномальная деревенька, а я продолжала подниматься еще выше и уже видела всю нашу планету в виде голубой капли, будто стремительно удалялась от нее в неведомое пространство космоса. Кажется, еще немного и мой мир исчезнет навсегда, еще чуть-чуть и мне никогда не вернуться назад, не найти обратной дороги, слишком маленькой стала голубая капля. И мне вдруг стало так хорошо, как никогда не бывало раньше, страха не было, а только внезапное ощущение счастья захватывало меня оттого, что все невзгоды, неудачи и ошибки остались в старом мире. Возвращаться туда я не хотела, у меня оставалось только одно желание – продолжать лететь дальше.

Ощущение удара по щекам вернуло меня в реальность. Диспозиция изменилась – сейчас я сидела на лавке, а Роман стоял рядом, в руках у него извивалась серебристая лента. Бабка продолжала неподвижно стоять на прежнем месте возле стола.

– Что это было? – спросил встревоженный мужчина, продолжая меня трясти за плечи.

Мне и самой очень хотелось бы знать ответ на его вопрос. Сознание прояснилось окончательно, при этом я отлично помнила свой волшебный полет и красочно начала описывать его Роману.

– Хорош полет! Вы стояли в таком ступоре, будто ничего не слышите и не видите, хотя глаза у вас оставались открытыми. Вы начали стремительно бледнеть, и казалось, что даже дышать перестали. Хорошо, что мне хватило сил встать и вовремя подскочить к вам. У вас были ледяные руки. Я вспомнил, что вы мне рассказывали о загадочном платке, который вне-

запно соскользнул с меня и непонятно каким образом успел окутать вашу голову. И пока я не снял с вас эту странную вещь, вы никак ни на что не реагировали.

Снегов начал внимательно рассматривать серебристую ленту, которую осторожно продолжал удерживать одной рукой. От загадочного предмета, больше всего похожего сейчас на полоску легкого металла, исходил резкий запах озона, но на мужчину лента не оказывала никакого влияния. Я высказала предположение, что это есть некий источник энергии и на каждого из нас он действовал по-своему – Романа лечил, а мне устроил показательный полет.

– А вам не кажется, что вы могли и не вернуться из этого полета? По тому, что я видел, ваше состояние больше всего напоминало полную отключку, как у наркомана от передозировки?

– Но, тревожась за меня, вы смогли встать, чтобы помочь?

– Да, у меня было ощущение, что вы умираете.

– И все же, у вас хватило на это сил, хотя совсем недавно вы едва смогли приподняться, чтобы сесть?

– Выходит, что так.

– А как сейчас вы себя чувствуете? Вы можете идти?

– Пожалуй, да, а вы как себя чувствуете? Сами-то идти сможете?

– Я чувствую себя вполне нормально. Послушайте, Роман, а вам не кажется, что меня намеренно ввели в состояние транса, – поспешила я высказать новую догадку, только что осенившую меня. – Я уверена, что здесь, в этом тайном месте, ничего не происходит случайно. Думаю, это было проделано со мной умышленно, чтобы заставить вас мобилизоваться, собраться с силами, заставить вас захотеть жить. Той, которая представлялась мне хозяйкой, не удавалось вывести вас из тяжелого состояния, она каким-то образом поддерживала в вас жизнь, подключая, как сейчас понимаю, энергию платка, но и только. А, испугавшись за меня, вы смогли сами себе помочь.

– Вижу, вы совсем оклемались, раз снова начали фантазировать. Понимаете, я не очень силен в технических новинках и уж тем более не любитель фантастики, а потому не могу заставить себя принять всерьез ваши бредовые аргументы. Извините, но я слишком приземленный человек, чтобы верить в подобные чудеса.

– Ну, хорошо, начнем по порядку, – меня начинало злить упрямство Романа. – Скажите, какое последнее событие вы помните из своей жизни до пробуждения в этой избушке? Как вы можете объяснить свое появление здесь?

Я молча ждала ответа. Мужчина наклонился, провел по лавке рукой, и будто убедившись, что она его выдержит, присел рядом со мной и задумался.

– Как я здесь оказался? Не знаю. Последнее, что помню – поездку на машине в пригороде, за окнами мелькала ранняя весенняя зелень, жена с сынишкой радовались, что я смог наконец-то вырваться отдохнуть вместе с ними, – внезапно он замолчал, болезненная судорога пробежала по его лицу.

– Что с вами? Что вы вспомнили?

– Сильную вспышку света, наверное, это и был взрыв, о котором вы прочли в газете. Но если я здесь, значит, на месте аварии моего тела не обнаружили. Почему же тогда написали о моей гибели?

– Не знаю. Писали – взрыв был такой силы, что конкретно опознать тела было невозможно, все сгорело к тому времени, когда смогли осмотреть место происшествия.

– Или кому-то очень надо было всех убедить в том, что я погиб, – Роман зажал голову руками и застонал. – Неужели это правда и их больше нет со мной, и я никогда больше их не увижу?

Конечно, я сочувствовала человеку, внезапно потерявшему всю семью, но в то же время испытывала облегчение оттого, что Снегов наконец-то стал осознанно воспринимать происхо-

дящие события. Оставалось только подтолкнуть его к более активным действиям по нашему освобождению согласно сложившимся обстоятельствам.

– Роман, что вы сейчас держите в руках? Как вы считаете, что это такое? – я потянула за блестящую ленту, которую он так и не выпустил из рук, хотя мне очень не хотелось вновь касаться загадочного предмета. Ничего страшного со мной на этот раз не произошло – я ощутила лишь легкое покалывание в пальцах, но дальше рисковать не стала и тут же отдернула руку.

– Мне не остается ничего другого, как прислушаться к вашим аргументам – надо же от чего-то начинать отталкиваться. А может все-таки мы нечаянно попали на какую-то засекреченную базу, мало ли тайн у военных?

– Неужели вы думаете, что они до сих пор не смогли бы узнать о нашем проникновении на секретный объект, – я никак не ожидала от делового человека такого глупого предположения.

– Ну, можно допустить, что велись тайные опыты с такими категориями как время и пространство, процесс вышел из-под контроля, и в результате все так обернулось, что и свидетелей не осталось.

– Ну да, ну да, только остались роботы и автоматы, которые функционируют сами по себе и совершенно самостоятельно принимают решения, что с нами делать. Не кажется ли вам, что это слишком сильно и преждевременно для наших ученых? – меня все сильнее раздражало его желание приземлить то, во что мы вляпались.

Я решила, что настал момент, когда следовало представиться своему напарнику, а то получалась односторонняя связь – я прекрасно знала кто он, а обо мне собеседник не знал ничего, даже имени. Впрочем, похоже, это его совершенно не волновало – высказывает тетка свои бредовые идеи, а он такой весь правильный, хоть и травмированный, лихо отбивается от ее неразумных доводов. Ну, посмотрю я, что ты скажешь, когда узнаешь, кто я, – подумала я злорадно, и назвалась полным именем, не забыв напомнить при этом о нашем знакомстве в студенческие годы.

По мере того, как я объяснялась, выражение глаз Снегова менялось от недоумения и настороженности до смущенной неловкости. Казалось до него, наконец, дошла щекотливость ситуации, когда он считал, что находился в обществе незнакомой дамочки, а получалось совсем наоборот. Мы оба понимали, что с этого момента ему придется изменить свое отношение ко мне. Вот только интересно, в какую сторону он решит это сделать?

В тоже время я отдавала должное его выдержке – тому, как быстро он справился и с тем, что мы с ним оказались давними знакомыми, и с горестным признанием гибели своих близких. Я догадывалась, что Снегов, как личность очень сильная, глубоко запрятал свою боль, чтобы она не мешала ему сейчас, когда надо было собраться с силами, чтобы выбраться из западни, в которой мы оказались. Думаю, он уже в полной мере осознал, что только благодаря этой ловушке и остался в живых, но выкарабкиваться из нее нам все же придется собственными силами.

***

– Анна! Я правильно помню ваше имя? Если сейчас мы оба чувствуем себя вполне сносно, может, не будем больше разгадывать местные чудеса, а просто попытаемся выбраться отсюда?

Следуя истине, что выход надо искать там же, где вход, я предложила попытаться вырваться из ловушки в начале ложной деревни – там, где находился столбик с указателем веселого поселения. На том и порешили. Все время пока мы совещались с Романом, бабка, как ни странно, продолжала неподвижно стоять у стола, ни на что не реагируя. Но как только мы направились к двери, она вдруг быстро протянула в нашу сторону руку, оставаясь при этом стоять на прежнем месте. Не обращая никакого внимания на хозяйку, Снегов толкнул входную

дверь, но она не поддавалась. К нашему удивлению, вход оказался закрытым, причем никаких явных запоров мы не обнаружили. Я заметила, что при каждом толкании двери лента, которую я раньше принимала за бабкин платок, начинала интенсивно переливаться серебристыми искрами.

– Роман, я думаю, надо вернуть эту вещь, – указала я на светящуюся полоску на его плече.

Как только загадочный предмет оказался на руке бабки – фантома, входная дверь сама распахнулась, и мы беспрепятственно вышли на улочку. До памятного столба дошли легко и сразу же уткнулись в знакомый мрачный ручей. При одном его виде от безотчетного страха меня начала бить противная дрожь, а тело сводить болезненной судорогой. К счастью на Снегова жуткий вид околицы не произвел такого сильного впечатления, возможно, здесь сыграло свою роль положение рыцаря. Во всяком случае, я не заметила у него ни страха, ни сомнения в правильности выбранного пути. Увидев мое ужасное состояние, он тут же пришел на помощь – обнял и крепко прижал к себе. От ощущения настоящих мужских объятий сразу стало легче. Как давно никто меня так не обнимал!

– Не бойся, я тебя удержу, ты только постарайся шагать побыстрее и не смотреть под ноги, смотри только прямо и слушайся меня, – шепнул Снегов, переходя на «ты».

За душевное сочувствие я готова была простить Роману все прошлые обиды. Мы выбрали место, где угрюмый ручей перекрывали наиболее толстые сучья и вместе ступили на них. Быстро перебирая ногами, успешно пересекли преграду и очутились в привычном лесу. Я оглянулась назад – все также журчала вода в неприветливом ручье, на другом его берегу сплошной стеной возвышались могучие ели и не единого просвета, никакого намека на тропинку, по которой мы только что притопали из загадочной деревеньки. Я с облегчением вздохнула полной грудью, страх постепенно отступал – мы вырвались! Или нас отпустили? Все равно – мы на свободе!

– Мы свободны! – повернулась я к спутнику, но тут же осеклась, заметив его нездоровую бледность.

Только сейчас я обратила внимание на странный вид повязки на голове Снегова. Бинты таяли на глазах, как весенний снег на солнце – сначала повязка стала рыхлеть, становилась все прозрачнее, пока не исчезла совсем. На виске мужчины проступил глубокий не затянувшийся порез. Я испугалась, что при дальнейшем передвижении по лесу любое неосторожное движение или случайный удар веткой могут разбередить едва поджившую рану. Необходимо срочно ее перевязать. У меня с собой имелся лишь маленький носовой платок, но дамского платочка было явно недостаточно для серьезной повязки. И тогда я вспомнила о роскошном галстуке, который Роман в спешке запихнул себе в карман брюк. Им я и обвязала ему голову, положив на рану вместо тампона свой платочек.

Снегов в белой сорочке и с ярко-красным бандажом на голове в окружении лесной зелени выглядел так экстравагантно, что я не удержалась от улыбки. Перевязка явно пошла ему на пользу. После небольшого привала мы отправились дальше в глубь леса. Решили идти все время прямо от ручья и вскоре вышли к мохнатой ели, под которой совсем недавно – или все-таки сравнительно давно? – мне пришлось прятаться от дождя. Я сразу узнала это место и даже брошенная мною грибная корзинка по-прежнему валялась под разлапистым деревом.

Ободренные правильностью выбранного направления мы убыстрили шаги и вскоре услышали голоса людей. Я с радостью узнала вопли своих коллег – они во всю мощь своих молодых глоток выкрикивали мое имя. Еще немного и мы вышли к нашей стоянке. Веселая компания встретила нас радостными возгласами:

– Наконец-то! Ты опоздала почти на час. Мы уж решили, что заблудилась, и собирались отправиться на поиски, хотя здесь такой хилый лес, что и блудить то негде – куда ни двинь отовсюду выйдешь на дорогу. А кто это с тобой?

Я стояла опустошенная не столько шумной встречей своих коллег, сколько осознанием того, что времени, проведенного мною в тайном чужом месте, для них не существовало. Снегов, по-видимому, тоже это понял, но упорно продолжал помалкивать, предоставив мне самой объяснять его присутствие.

– Ух, ты, какого классного боровика нашла наша Анна! – женщины подскочили к Роману и стали беззастенчиво его тормозить.

Я вопросительно посмотрела на своего спутника, но он только слегка отрицательно покачал головой.

– Недаром говорят «мир тесен». Столько лет не виделись, живя в одном городе, а в лесу на грибной охоте встретились. Познакомьтесь – мой старый знакомый Роман, – я намеренно не стала договаривать его фамилию. – Ему немного не повезло – поранился в лесу, так что нам придется вернуться в город.

Пока дружная компания перебирала грибной урожай, я нашла в машине аптечку и осторожно сменила Роману повязку. Мой попутчик еще пытался хорохориться, отбиваясь от расспросов любопытных дам, но на фоне общего веселья особенно заметно было, как сильно он устал, к тому же рана вновь начала кровоточить, и я поспешила организовать наше возвращение в город.

***

По дороге к дому я пыталась собраться с мыслями, не зная, как поступить далее – сделать вид, что случайная встреча ничего не изменила в моей жизни или напротив дать понять Роману, как сблизило нас совместное приключение. Но Снегов все решил без моего участия – недаром слыл очень деятельным человеком. В город мы добрались поздно вечером и, конечно, расположились у меня дома, поскольку Снегов не хотел светиться раньше времени по своему адресу. Ничего не объясняя, он тут же связался с кем-то по телефону, и за ним быстро приехали машину. Расставаясь, мы ни о чем с ним не договаривались – просто откланялись. Я так устала, что мне было уже не до романтических отношений, хотелось только спать, и, едва коснувшись подушки, я мгновенно провалилась в глубокий сон.

Но и во сне не приходил покой. Мне снилось, что я стояла на краю шумного мрачного леса и, задрвав голову, смотрела в ослепительно синее небо. Там стремительно удалялась от меня огромная блестящая птица, она махала мне крыльями, будто прощалась со мной навсегда. Я проснулась со слезами сожаления, что никогда, никогда больше не увижу эту чудесную птицу, не соприкоснусь с ее волшебной тайной, не разгадаю ее. Все закончилось!

И уже окончательно проснувшись, я знала, что всю дальнейшую жизнь при воспоминании о своем приключении буду жалеть, что не попыталась преодолеть свой страх, не задержалась в ловушке времени. Может, мы все-таки поспешили выбраться оттуда? Нас ведь никто не гнал. И задержись мы там чуть подольше – кто знает свидетелями, каких чудес мы бы еще стали?

Следующий день я провела в полном безделии и бездумии – ни на что не было ни сил, ни желания. Звонок телефона. Это Роман:

– Сейчас за тобой придет машина, пожалуйста, приезжай. Надо поговорить, – произнес он сухо и так серьезно, что я ни минуты не сомневалась в необходимости своего визита.

Меня быстро доставили в загородный дом Снегова. К тому времени он успел пройти медицинское обследование, и врачи подтвердили полное его выздоровление. Что же касалось раны на голове, то сейчас она также не вызывала у них серьезных опасений. Но было одно НО! У Снегова оказались смещенными все внутренние органы – то, что должно было находиться слева, сейчас спокойно располагалось справа и, наоборот, в том числе и сердце, как, если бы мужчину рассматривали в зеркале. Но после пребывания в аномальном месте нас с Романом уже трудно было чем-либо удивить. Я видела, как спокойно он отнесся к своей трансформации, чего никак нельзя было сказать о врачах. Значит, удивившись шраму на левом запястье

мужчины в загадочной избушке, я тогда все-таки верно вспомнила, что в юности Роман поранил стеклом именно правую руку.

Снегов и меня пригласил к себе для тщательного врачебного осмотра. Я, конечно, не стала отказываться от медицинской халявы такого высокого уровня. К тому же мне тоже было интересно, не произошли ли и со мной какие-нибудь метаморфозы. Но все у меня внутри оказалось в норме. Немного поразмыслив, я высказала предположение, как это можно объяснить тем, что я дважды осознанно пересекала границу аномалии, а Роман только один раз. Больше ничего путного в мою голову не приходило.

Основательно докладывать, кому бы то ни было о нашем с ним приключении, как я понимала, Роман не собирался. У меня тоже не возникало такого желания. Сомнительной славы нам совсем не хотелось, а последствия наших откровений не трудно было предположить. Восстановить свое «Я», вернуться в общество и заткнуть рот врачам – на все это у Снегова было вполне достаточно сил, влияния, а главное средств.

Жизнь входила в нормальное русло, и мы постепенно успокоились. Меня немного волновало то, как Роман сможет пережить утрату семьи. До сих пор, казалось, он просто не допускал до своего сознания факт ее гибели. Но и с этим Снегов справился. Я еще раз убедилась, какой все-таки недюжинной силой воли обладал этот человек. И жаждой жизни, как я поняла немного позднее.

Однажды я не выдержала и рассказала Роману свой удивительный сон про сказочную птицу.

– Я думаю, это было прощание, – закончила я свой рассказ.

– Не знаю, что это было, или кто это был, но я очень благодарен им – и не столько за свое спасение, сколько за то, что они привели за мной именно тебя. В одиночку я бы не выкарабкался, и если бы даже выбрался, продолжать жить один бы не смог, не захотел, – он подошел ко мне, обнял за плечи и развернул лицом к себе так, что наши глаза встретились. – Ты останешься со мной?

В его глазах я прочла и страх, и сомнение, и надежду.

– Я уже с тобой, разве ты до сих пор этого не понял?

– Спасибо, иногда я думаю, что сама судьба послала мне тебя.

– И нас обвенчали небеса! – я засмеялась, стараясь скрыть охватившее меня волнение.

Впервые после возвращения из шального леса мне стало легко и свободно общаться с Романом. Я так боялась, что прошлое встанет между нами непреодолимой преградой и, прежде всего, я сама буду в этом виновата. Но сегодняшний Снегов не имел ничего общего с тем парнем, которого я знала когда-то в молодости. А может, закралась крамольная мысль, мы тогда просто поспешили? Возможно, то была первая попытка свести нас вместе, а мы этого не поняли, проглядели. И не разбежись мы тогда по разным дорогам, с горечью и обидой друг на друга, ничего страшного в нашей жизни и не случилось бы, и мы до сих пор жили бы долго и счастливо. Я высказала свое внезапное предположение вслух, на что Роман только укоризненно покачал головой.

– Нет, не думаю – скорее всего, при таком раскладе мы уже давно бы разбежались. А сейчас нас вместе свела такая дивная тайна, настолько крепко нас повязала своими чудесами, что расстаться мы уже не сможем никогда. Отныне ты всегда будешь со мной, а с нами наша тайна и мы никому не станем ее раскрывать. Как ты думаешь?

– Конечно, не станем – мы же не сумасшедшие.

И пусть я не услышала пламенных слов любви, пока не услышала, я была счастлива, потому что меня держал в объятиях мужчина, которого я могла сделать счастливым.

Я и только я!

Куда кривая вывезет

А и правда, куда ж меня на этот раз кривая вывезет? – идиотский вопрос вертелся в голове, пока я, стиснув зубы от злости на саму себя, намертво вцепившись в руль, старалась ровнее удерживать машину на скользкой дороге. Ну, почему я не послушалась мужа и отправилась в эту поездку именно сегодня, когда снова обещали дождь и похолодание. Разве могла я предположить, что похолодание это в начале июня может вылиться в нудную затяжную промозглость, рассекаемую крупными хлопьями снега и густой туман, заполонивший дорогу, которая и без того давно превратилась в сплошную глинистую скользь.

Водитель я с приличным стажем и все признают, что вожу очень хорошо, все кроме собственного мужа. И это несмотря на то, что за исключением мелких неприятностей вроде невписывания в узкие ворота нашего гаража и наезда на паребрики, заканчивающиеся небольшими вмятинами на крыльях моего авто, я не имела в своем активе крупных дорожных напастей. К слову сказать, в отличие от супруга, который несколько раз умудрялся разбивать бампер и создавать заторы на трамвайных путях, поскольку, как правило, очень спешил и носился по городу, объезжая автомобильные пробки там, где ездить на авто совершенно не следовало. Я всегда стараюсь быть предельно внимательной и собранной в пути, не нарушаю правил движения, отлично знаю эти самые правила, прекрасно разбираюсь, что нужно нажать, включить и повернуть, чтобы машина покорно слушалась меня на дороге.

Но то, что скрывала перламутровая иномарка в глубине своего железного каркаса, для меня покрыто сплошным мраком. Когда все семейство выбирало мне транспортное средство, то главным критерием являлись безопасность и простота управления. Что такое подушка безопасности я, конечно, представляла, тем более что в салоне мне даже видеоролик показали, где голубоглазая блондинка элегантно врезалась в дерево и ее прекрасный бюст спасала эта самая подушка. Еще я сама могла заправить машину бензином и залить жидкость для мойки стекол, хотя редко пользовалась своими знаниями, предпочитая вежливое обслуживание на современных авто заправках.

Но вот что оставалось для меня абсолютным неизвестным, так это внутреннее устройство автомобиля. Кроме того, я ужасно боялась проколоть колесо, поскольку, как показала практика, сил моих дамских не хватало на то чтобы вытащить запаску из багажника, а тем более открутить пробитое колесо, забитое грязью и накрепко прикипевшее к родному ободу. Все мои надежды были на своевременное обслуживание. А потому прежде, чем поехать в дальнюю командировку одной, я всегда сначала убеждалась, что трасса, по которой мне предстояло добираться до конечного пункта назначения, телефонизирована, то бишь охвачена сотовой связью хотя бы одним из операторов, услугами которых я запасалась заранее. В моем дорожном кейсе всегда лежало несколько элегантных телефончиков.

Два года назад мне пришлось определяться с новым местом под солнцем, когда НИИ, где я оттрубила после окончания университета четверть века, развалилось на несколько самостоятельных шараг. К тому времени совместный бизнес мужа с сыном стал довольно успешно продвигаться, и я могла позволить себе передохнуть на жизненной дороге, но оказалось, что это довольно утомительно – не работать. Недолго думая, я нашла себе занятие по душе, которое приносило мне не только моральное удовлетворение, но и неплохие деньги.

Став курьером крупной адвокатской конторы, я успешно выполняла личные поручения ее главы господина Киприна. Никита Андреевич, оказавшийся мужем моей старой школьной знакомой, несмотря на постоянную занятость, успевал обсудить со мной проблемы современной жизни и не слишком напрягал с работой. Чаще всего то были поездки по городу, но иногда мне приходилось выезжать в область. Вот и сегодня я должна была доставить документы в небольшой городок, езды до которого по хорошей погоде всего ничего – около часа.

Я действительно успела до обеда выполнить служебное поручение, но на обратном пути меня застала непогода. Так оказалась я в промозглой круговерти на скользкой дороге и не заметила, как свернула где-то не туда – не туда, куда нужно было свернуть. Что ползу по незнакомой трассе, я поняла, когда отметила полное отсутствие придорожных знаков – ни тебе указателей километража, ни каких либо ограничителей скорости, которые так любят стражи дорожного порядка. Но пока дорога оставалась вполне сносной, я не волновалась. Еду и еду – как в городе – все дороги ведут к центру, так и за городом все трассы должны вести к населенному пункту или хотя бы к автозаправке.

Но время шло, противные осадки не прекращались, неожиданно стремительно начало темнеть, а стрелка указателя бензина, давно перевалившая через центральную отметку, неумолимо клонилась к нулю. Я решила остановиться и попытаться сориентироваться по карте – куда могла ошибочно свернуть. Настораживало и то, что никто мне не позвонил, тогда, как я уже прилично задерживалась. Осмотр личных телефонов подтвердил мои самые худшие опасения. Я оказалась в зоне полного отсутствия связи, ни один из моих сотовых не показывал доступ к сети. А вот это явилось для меня полной неожиданностью. Я прекрасно помнила, что перед поездкой тщательно проверила данный момент собственной безопасности – выбранная трасса была полностью доступна.

Поворачивать назад не имело смысла – не хватало еще на довольно узкой дороге при развороте угодить в кювет. Я медленно тронулась вперед, моля бога не дать закончиться жидкости, которую приходилось щедро разбрызгивать на лобовое стекло, чтобы видеть дорогу. И дорога кончилась, вернее, оказалась перегороженной указателем объезда. Как ни хотелось выходить из теплой машины, а пришлось, хорошо хоть были у меня с собой резиновые боты. Я держу в салоне некий дамский обувной набор, чтобы можно было комфортно обувать ноги соответственно обстоятельствам. В офисы я захожу в элегантной обуви, будь это сапожки или туфли, но обязательно на шпильках, для лесных прогулок – сапоги либо кроссовки, но в машине за рулем сажу всегда в удобных мокасинах без каблуков.

Включив аварийные сигналы, я отправилась на разведку. То, что называлось объездом, представляло собой лесную дорогу, петляющую меж высоких сосен и, как ни странно, оказавшуюся не размытой и довольно плотной. Осадки прекратились, но туман уплотнился, и мне ничего не оставалось, как пешком пройти хотя бы немного, чтобы решить – спускаться сюда на машине или не стоит так рисковать.

Пройдя метров сто, я разглядела вдалеке светящийся кусок затянутого тучами неба. Обычно так отсвечивает небосклон от искусственного освещения. Следовательно, в той стороне расположен населенный пункт – решила я и, обрадовавшись такому открытию, кинулась назад. Предложенная для объезда кривая должна вывести меня к людному месту. Скорее всего, там функционировала автозаправка. В настоящее время обычно неплохо освещались именно бензоколонки, вряд ли местные власти расщедрились бы на подобную иллюминацию какого-нибудь села.

Но я не угадала. Заправки не было и в помине, как впрочем, и села, хотя к творению рук человеческих я все-таки доехала. На фоне подсвеченного непонятным заревом вечернего неба передо мной возвышался крутой склон заросшего можжевельником холма, на верху которого устремлялись в небо купола величавого в своем одиночестве храма.

Вот это да! Встретить в подобной глуши такую красоту я никак не ожидала. Впрочем, последнее время жизнь меня приучила к разным метаморфозам. По непонятным причинам рушилось старое, привычное и понятное, и строилось новое, неожиданное в своем употреблении. Причем, если старое, как правило, служило всем, то есть было общедоступно, то новое часто предназначалось для узкого круга тех, кто вложил в это новое личные средства. Надеюсь, что на храмы Господни даже в таком уединенном месте данные веяния пока не распространились и вход здесь открыт для всех.

Одно смущало – позднее время и, скорее всего церковные двери затворены крепко-накрепко. Так оно и оказалось. Оставив машину в придорожных кустах, чтобы не очень бросалась в глаза своим перламутровым блеском, я поднялась по едва заметной тропинке наверх и очутилась перед запертыми огромными дверями собора.

То, что здание было построено недавно, сразу бросалось в глаза – ослепительно белые стены, нижняя облицовка цоколя современными материалами и яркие отблески отделанных «под золото» куполов. Поражала необычность архитектуры – будто собору не хватило места, и строение сжали со всех сторон, вытянули вверх, настолько высокими казались его стены. Может так оно и случилось, небольшая площадка на верху холма не давала возможности расширить фундамент постройки, а сравнивать взгорье строители не захотели. Церкви испокон веков старались воздвигать на возвышенных местах, вот и эту высоту облюбовали неспроста – наверняка она являлась самым высоким местом в здешней округе.

Постояв несколько минут у входа для того, чтобы после крутого подъема привести дыхание в норму, а также, чтобы немного причесать мысли, я решила обойти храм, но не успела. Только я намерилась зайти за правый угол собора, как неожиданно со стороны тропинки, по которой я недавно поднялась, меня тихо окликнули. Голос был настолько слаб, что поначалу я решила, будто мне это просто показалось.

В очень тихую погоду за городом иногда любой шорох можно принять совсем не за то, что прошелестело на самом деле, особенно, если тебя начинает одолевать такое неприятное чувство как панический страх одиночества. Я сделала еще несколько шагов и оказалась на ярко освещенной стороне храма. Мягкий свет странного оттенка бил прямо в глаза с самого верха. Казалось, он струился из сиреневого облака, нависшего над центральным куполом собора, но разглядеть что-либо конкретнее я не успела.

– Как вы попали сюда, сударыня? – услышала я за спиной.

Подпрыгнув на месте не столько от испуга, сколько от неожиданности услышать здесь в такой поздний час подобное обращение, я наверняка скатилась бы по крутому склону вниз, если бы меня не поддержали чьи-то сильные руки.

– Вы кто? Вы зачем здесь? – глупые вопросы вырвались у меня непроизвольно, пока я приходила в себя, уставившись на мужчину, который, убедившись, что я крепко стою на ногах и не собираюсь никуда падать, быстро отступил в тень ближней колонны, так что я не могла видеть его лицо.

– Извините, не хотел вас напугать. Заметил человека возле храма и очень удивился столь позднему визиту в нашу обитель. Что привело вас сюда, дитя мое? – как-то очень мягко проговорил мужчина, слишком мягко для обычного человека.

По манере речи я догадалась, что, скорее всего, он являлся местным священником. Ну, кому еще в голову могло придти назвать дитем особу моего возраста, тем более что, судя по тембру голоса и фигуре, что я успела разглядеть, сей представитель местного духовенства вряд ли был намного старше меня.

Пока я приходила в себя, мужчина уверенно открыл боковую дверь храма и пригласил меня зайти внутрь. К тому времени я так устала и промокла, что была готова спрятаться от холода наступающей ночи куда угодно, лишь бы согреться. В небольшой комнатенке, куда меня пригласил войти незнакомец, ничего не было кроме деревянной лавки, стола, пары стульев и полка с небольшими иконками. Подсвеченная сумеречным светом промозглая ночь осталась за плотно закрытой массивной дверью. Но и внутри помещения разливался непонятный розоватый свет, проникающий из узкого, но очень высокого окна, выходящего вовнутрь храма. По-видимому, источник необычного света находился внутри самого собора.

Стараясь не очень клацать зубами от холода, а может и от непривычности обстановки, в которой оказалась, я вкратце постаралась объяснить свое появление в здешних местах, закон-

чив свою речь просьбой помочь найти дорогу на трассу, по которой я смогла бы как можно быстрее добраться домой.

Мужчина слушал молча, внимательно вглядываясь в мое лицо, и это его упорное молчание и нежелание представиться даже после того как я назвала свое имя и напрямую спросила, как мне его величать, начинало меня не на шутку тревожить.

– Зовите меня просто Владимир, – наконец проговорил мужчина, снимая с себя вполне цивильное и, я бы сказала, даже очень модное вельветовое пальто. – К сожалению, мы не сможем сейчас спуститься вниз к деревне, дождь идет уже давно, и дорогу слишком размыло. Я думаю, кувыркаться на глинистой тропинке вас не привлекает, так что ночь придется провести здесь.

Спутник повернулся в сторону окна и я, наконец, смогла разглядеть его лицо. Аккуратно подстриженная борода с проседью и совершенно седые виски в тоже время придавали его лицу необыкновенную свежесть и привлекательность. Темный костюм с глухо застегнутой рубашкой, на конце воротника которой я разглядела шелковую вышивку известной фирмы, мог подходить кому угодно, но только не служителю церкви. Впрочем, каждый человек вправе сам решать – раскрывать себя или нет перед чужими людьми, тем более такой неожиданной гостьей, какую явилась я.

Перспектива провести ночь в довольно прохладном помещении меня совсем не прельщала. Я нарочито громко чихнула и поежилась, всем своим видом давая понять не очень гостеприимному хозяину, до какой степени мне здесь неуютно. После чего, не дождавшись нужной реакции, решила попросить Владимира проводить меня до машины. Но вовремя одумалась, поскольку пережить ненастную ночь в не обогреваемом автомобиле ничуть не комфортнее, чем в каменной келье, а тратить бензин на обогрев машины было бы с моей стороны и глупо и неосмотрительно – еще неизвестно, где и когда я смогу подзаправиться. Так что я вовремя прикусила язычок, молча продолжая рассматривать импозантного ночного незнакомца.

Незнакомца? Неожиданно что-то давно забытое, что-то из далекой юности начало всплывать в моей памяти. Вот мы – старшеклассники возвращаемся из школы. Разговоры о выпускных экзаменах, о том, кто и куда собирался поступать, кому светила золотая медаль. В нашем классе она светила только Володке Климову, умному симпатичному мальчику, который не ходил с нами на каток, не пел в нашем школьном хоре и не бегал с нами на танцы в местный Дом пионеров.

Он был очень способным мальчиком с самого первого класса, его обожали все учителя, уважали одноклассники, но не принимали в свои компании, и не потому, что не хотели, а потому что Вовке Климову было некогда заниматься детством. Мальчик постоянно участвовал во всевозможных олимпиадах, занимая там первые места и по окончании школы, конечно, никто не удивился, что парень поступил на физмат нашего университета.

Так почему именно его я вспомнила, вглядывая мужчину, который не торопился расширять размеры своего гостеприимства. Он продолжал безмолвствуя сидеть за абсолютно пустым столом, устремив свой взгляд во внутреннее окно, за которым как ни старалась, я не могла ничего разглядеть, кроме движения частичек пыли в столбах странного света, льющегося с верхних сводов храма.

Да, так что там было потом? Почему я вдруг вспомнила Климова? Помню однажды, вернувшись домой после занятий в институте, я услышала, как на кухне тихо плакала какая-то женщина, а мама ее успокаивала. Потом я узнала, что это была мать Климова. Женщины случайно встретились в магазине, впервые после того, как мы закончили школу.

На мамин вопрос, как и где сейчас Володя, его мать неожиданно так расстроилась, что ей стало плохо. Наш дом был рядом, и так она оказалась у нас. В то время, когда я пришла, мама

как раз отпаивала ее валерьянкой. То, что Климова рассказала про сына, так меня поразило, что я не сразу поверила, будто это все именно про него – нашего одноклассника.

На втором курсе Вовка Климов, этот тихий заученный мальчик, влюбился в первую красавицу курса и умудрился не только влюбить ее в себя, но и жениться. Еще не окончив университета, Володька стал отцом двойняшек. И, казалось, все было хорошо. Все – пока Климова не пригласили подработать на кафедре в закрытую лабораторию. Там одаренный студент получил огромный простор в своих исследованиях и до того окунулся в науку, что сутками не вылезал из лаборатории.

Ни уговоры родителей, ни ультимативные просьбы жены не помогали – парень дневал и ночевал среди своих приборов, пока его в приказном порядке не заставили поехать отдохнуть в местный санаторий, где и заметили доктора, что у парня не все в порядке с головой. Поначалу родные не осознали всю глубину заболевания молодого человека, но болезнь прогрессировала, начались сильные головные боли, повышенная возбудимость и бессонница. В конце концов, врачи запретили Климову всякую умственную деятельность. Разлады в семейной жизни из-за постоянной занятости Владимира привели к тому, что жена с ним развелась и, забрав детей, переехала в другой город к своим родителям.

Жизнь для парня, казалось, потеряла всякий смысл, и однажды он просто исчез из дома. Родители пытались его искать, но поиски прекратили, когда сын прислал письмо, что жив – здоров, но в прежнюю жизнь не вернется, а начнет ее с чистого листа. Что означали его слова о новой жизни, родителям было неизвестно. Обратного адреса сын не давал, но редкие и короткие весточки о себе слал регулярно. На последней встрече выпускников, на которой наш класс отмечал десятилетие, прошел слух, что Вовка Климов то ли погиб, то ли сам распрощался с белым светом. Никто толком ничего о нем не знал, да и не до него было – народ радовался жизни, и вспоминать бывшего угрюмого одноклассника никому не хотелось. С тех пор я ничего не слышала о Климове.

Не знаю, почему я вдруг вспомнила о школьной поре. Возможно, манера речи моего ночного собеседника чем-то неуловимо напомнила то, как обстоятельно отвечал обычно Климов на уроках. Иногда так и хотелось хлопнуть чем-нибудь по его умной головенке, только чтоб споткнулся он хоть чуть-чуть, слог в слове пропустил что ли. А ведь, если допустить, что Климов жив, то этот батюшка вполне мог быть им. И возраст подходил, и черты лица очень похожи. Хотя надо признать – за давностью лет мне трудно без помощи школьного фотоальбома припомнить лица своих бывших одноклассников.

– Ваша фамилия случайно не Климов? – вырвалось у меня.

Имею я такую привычку – сначала сказать то, что на уме, а потом подумать, а стоило ли озвучивать свою мысль? Вот и сейчас я тотчас пожалела о своем вопросе, увидев реакцию загадочного мужчины. Он неожиданно резко встал и быстро направился к входной двери.

– Здесь я для всех отец Владимир. Вы можете провести ночь в этом помещении, а утром я помогу вам найти дорогу назад. Пока же располагайтесь, как сможете, и не советую проявлять самостоятельность и блуждать в темноте. Поверьте, на здешних склонах запросто можно свернуть себе шею.

Не дав мне возможности что-либо возразить на его поспешное решение оставить меня в одиночестве, мужчина накинул мне на плечи свое пальто и скрылся в темноте промозглой ночи.

Вот это да! Чего он так испугался? Впрочем, то, что хозяин смылся после моего неожиданного предположения, что его фамилия Климов, только подтвердило, что так оно и было. Хотя уверена – меня то Владимир точно не узнал. Но чего так бояться то? Не скрывался же он здесь под чужой фамилией. Как бы я недолюбливала бывшего одноклассника во времена нашей беспечной школьной юности, ничего предосудительного о нем я не знала, и ничего пло-

хого лично мне он никогда не делал. Думаю, не так-то просто дается человеку решение покинуть светский мир, посвятить себя служению Богу. И, коли, уж он на такое решился, то, скорее всего пути назад не видел и лишний раз вспоминать, что был в прежней жизни кем-то другим, не хотел. Ну и бог с ним.

А все-таки поступил Владимир со мной не слишком гостеприимно. Мало того, что одну бросил, так еще и в пустой комнате – ни еды, ни тепла. Спасибо, хоть графин с водой на столе оставил. А может в этой каморке еще что-нибудь есть? От чужого пальто исходил слабый запах лаванды. Я видела, что перед тем как снять его, мужчина вытащил из внутреннего кармана конверт, а из наружного – ключи. Я тогда испугалась, что неразговорчивый хозяин решил запереть меня в холодной комнате. Но он этого не сделал – и за то спасибо! На всякий случай я обшарила карманы чужого пальто, но ничего кроме чистого носового платка в нем не нашла.

Сидеть, бездумно уставившись в стену, выложенную грубо обтесанным камнем, вскоре надоело, да и ноги затекли от неудобной деревянной лавки, на которой мне светило провести всю ночь. Чтобы размяться, я решила основательно осмотреться. Сиреневый свет продолжал заманчиво подсвечивать стенки моей каморки сквозь узкое окно, больше походившее на дверцу. Я попыталась разглядеть внутреннее убранство собора, но ничего кроме сумеречных стен увидеть не смогла – в слабом непонятно откуда возникающем свечении ничего не отблескивало. Казалось, церковная утварь хотя бы немного, но должна была отражать свет, но ничего подобного через стекло я не заметила.

Принимая во внимание необычность обстановки, я даже не пробовала задремать. Попытки заснуть сейчас могли привести только к головной боли. Убедившись в очередной раз, что сотовой связи нет ни с одним из операторов, я принялась рассматривать полку с иконами. Разумеется, я не специалист в иконописи, но даже на мой дилетантский взгляд несколько образов, до которых я смогла дотянуться, красочно инструктированные камнями, выглядели новыми и очень богатыми. Если камушки были настоящими, то стоило церковное убранство кельи довольно внушительно. Можно было предположить, что и главный иконостас выполнен в той же манере, тогда оставалось только удивляться – как такое богатство никем не охраняется? Впрочем, возможно я ошибалась – охраняется, только чужаку вроде меня это не бросается в глаза.

Сдвинув одну из икон на нижней полочке, я заметила небольшую ручку – похожие пимпочки украшали мой старый письменный стол. Потянув за блестящий цилиндрок, я выдвинула мелкий узкий ящик, в котором лежал ключ довольно внушительных размеров. Оставалось только догадаться, что им можно было открыть.

Конфигурация ключа навела меня на мысль, что нужно поискать узкую щель, чем я и занялась. Действительно, рядом с входной дверью мне удалось обнаружить длинный узкий паз, который в неверном освещении вначале приняла за тень от дверного косяка. Ключ сразу легко вошел в паз и мягко повернулся два раза. Я чувствовала себя первооткрывателем неизведанного мира. Подобное чувство испытываешь иногда во сне, когда снится что-то совсем уж несуразное, волшебное, как в далеком детстве.

Но ничего загадочного и сверхъестественного не произошло – открылась небольшая ниша, в которой мрачно висело церковное одеяние – скорее всего рабочая одежда местного попа. Внимание мое привлек рычаг рядом с вешалкой. Я не сразу решилась нажать на него – а вдруг это сирена или что-нибудь подобное. Не хотелось будоражить местную обитель, но, не устояв, я все-таки попробовала потихоньку пошевелить загадочную ручку.

И снова ничего страшного не случилось – просто отъехало в сторону окно, которое оказалось на самом деле дверкой, открывающей вход внутрь церкви. Центральный зал таинственно мерцал в свете, проникающем с верхних сводов собора, а вокруг стояла звенящая тишина, потому что в ушах от этой невыносимой тишины действительно звенело, как от назойливого

комара. Тишина была настолько непривычной, что мерещилось, будто это стуки собственного сердца отдавались громким эхом от высоких каменных сводов.

И я прошла в зал. Здесь оказалось намного теплее, чем в моей камерке. В мерцающем свете трудно было разглядеть довольно большой иконостас. По залу распространялся приятный аромат свежих трав и цветов, украшавших зал. Я не решилась пройти вглубь храма, опасаясь встроенной сигнализации – не хватало еще встревожить местных блюстителей порядка. Озираясь по сторонам, я заметила, что вдоль стены за иконостасом тянулся довольно широкий коридор. В надежде, что он может привести меня в более приятное помещение, я решилась в него зайти. Мне показалось, будто из глубины коридора шел более яркий свет.

Какого же было мое удивление, когда обнаружилось, что коридор тянулся вокруг центра сзади больших икон. Но самым странным выглядело то, что с обратной стороны все религиозные изображения представляли собой огромные зеркала, в которых я лицезрела собственную вытянутую от удивления физиономию.

Вот это да! Сейчас я уже не сомневалась, что действительно попала в вотчину Вовки Климова. Подобное сооружение вполне соответствовало духу безрассудного физика, которым он слыл в молодости. Не удивлюсь, если заумный одноклассник и здесь продолжал заниматься какими-нибудь сумасбродными исследованиями. В конце концов, именно церковники когда-то первыми начали научные изыскания в познании брэнного мира.

В закругленном пространстве странного зеркального коридора у меня возникло ощущение движения воздушных потоков, струящихся откуда-то сверху. Я предположила, что источником теплого воздуха служило то же, что являлось причиной сиреневого освещения не только самого собора, но и пространства вокруг него. Это изумительное сияние я наблюдала и снаружи здания. Да что там снаружи – небо отсвечивало странным заревом так далеко, что именно его я заметила на дороге, приняв за огни автозаправки.

Продолжая упорно двигаться по коридору, я обнаружила дополнительно три узких двери, точно таких же, что были в первой комнатке. Но открыть остальные двери мне не удалось – со стороны коридора они выглядели абсолютно гладкими без каких-либо штучек, которые могли бы выполнять функцию ручки. В слабых отблесках верхнего света я лишь смогла разглядеть за одной дверью ряды книжных стеллажей – очевидно, то была или церковная библиотека, либо кабинет местного служителя.

За другой дверью находился гардероб – на вешалках висели темные одежды, а вот за последней дверцей мне ничего не удалось разглядеть. Там царил крошечная тьма, и только перемигивание нескольких красных огоньков в глубине свидетельствовали о наличии ниши в этой части храма. Можно было предположить о присутствии именно здесь охранной сигнализации, а можно было предположить – если здешний хозяин все таки господин Климов, то и... А что собственно можно было предположить в таком случае? Да все что угодно – лабораторию, суперкомпьютер или сверхъестественный полигон, любое воплощение безумных идей неистового физика.

Осторожно следуя по кольцевому коридору, я обогнула центральной зал собора и снова оказалась у дверей своей кельи. Таким образом, всего имелось четыре боковых добавочных помещения. Но если их назначение более или менее мне были понятны, то, хоть я и не большой знаток церковной архитектуры, внутренний коридор по периметру собора и зеркальные основы икон показались мне весьма и весьма оригинальным решением обустройства собора, если не сказать больше.

Ночная прогулка согрела меня и даже притупила чувство голода, но от сильного цветочного аромата разболелась голова. Я решила вернуться в свою комнату, чтобы попить воды. Какого же было мое удивление, когда за столом я увидела своего старого знакомого. Негостеприимный хозяин сидел перед раскрытым ноутбуком и что-то внимательно рассматривал.

От неожиданности у меня горло перехватило, я не могла вымолвить ни слова, только протянула руку к стакану с водой, который не допила перед своим путешествием по собору, и который так и оставался в центре стола. Он сейчас явно мешал мужчине, но, как ни странно, Владимир стакан не сдвинул, а молча продолжал работать на клавиатуре.

Более того, он вообще никак не прореагировал на мое появление. Одетый на этот раз в простую темную футболку, он сосредоточенно молотил по клавишам, не обращая на меня ни малейшего внимания. Входная дверь оставалась плотно закрытой, но я отчетливо слышала шум дождя и то, как от сильных порывов ветра в стены бились ветви близко стоящих деревьев. А по мужчине нельзя было сказать, что он вернулся сюда по непогоде, да и одет он был слишком легко для холодного помещения. Меня снова начала бить дрожь то ли от холода, то ли от нервного возбуждения.

Я так резко подскочила к столу, что ближний стул отлетел к стене, а стол зашатался. В полной тишине скрип дерева прозвучал точно выстрел, но, странное дело, Климов даже голову не повернул в мою сторону. Стоп! Что-то здесь не так. Я сделала шаг в его сторону и...

И видение исчезло. Комнатка по-прежнему оставалась пустой с тем же расположением вещей, что я оставила ее час назад – ни мужчины в летней рубашке, ни компьютера на столе не было. Чтобы отогнать наваждение, я сполоснула лицо остатками воды из графина и решила повторить попытку, то есть вышла в коридор и снова встала в проеме узкой двери. Но на этот раз ничего не увидела кроме пустого стола и мною же ранее опрокинутого стула.

Так! Загадки Вовки Климова продолжались. Увиденная картина напомнила мне голографическое кино, что так любят показывать в современных фантастических фильмах, но в жизни с пространственным изображением я никогда не сталкивалась и не имела ни малейшего представления, как такое может быть сделано. Одно мне было ясно – каким-то образом я увидела Климова, скорее всего работающего в своем кабинете. А вот происходило это сейчас, или то была запись прошедшего момента, оставалось только гадать.

Голова разболелась нестерпимо, хотелось глотнуть свежего воздуха – от сильного аромата, идущего из центрального зала храма, меня уже начинало тошнить. Я открыла входную дверь, но снаружи шел такой сильный ливень, что мне тут же расхотелось покидать помещение. Как бы мне здесь не нравилось – все же переждать ночь под крышей приятнее, нежели искать новых приключений на свою бедную голову на скользком склоне. Я решила плюнуть на все выкрутасы сумасшедшего физика и спокойно дожждаться утра, постаравшись удобнее пристроиться за столом.

Как не мостилась я на жесткой лавке, все равно никак не могла принять более или менее удобное положение. Меня снова стало охватывать неприятное ощущение внутреннего холода. Чтобы не схватить простуду, необходимо было немедленно подвигаться. Так я снова очутилась в зеркальном коридоре.

На этот раз я решила в целях разминки обходить кругом каждую большую икону. Было довольно необычно видеть чередование лика святых с собственным изображением. Наконец я согрелась и, зачарованная видом восхитительной в своей красоте росписью потолка, остановилась в самом центре зала. По верху ярко-синего свода на фоне белоснежных облаков летела женщина в серебристой одежде, удерживая в руках младенца.

Неожиданно свет внушительного верхнего паникадила усилился, и все пространство залилось яркими сполохами, точно на лазерном шоу. От резких бликов заломило в висках. Непроизвольно зажмурив глаза, я присела на ближнюю деревянную скамью, уютно прикрытую темно-синим плюшем. Тишина и покой окутали меня, и я провалилась в долгожданный сон.

Мне четырнадцать лет, за окном золотая осень. Я так любила это время года, когда еще тепло, но уже никто не кусается – нет ни комаров, ни паутов. Лес продолжал шуметь лист-

вой, а осенние цветы гореть разными красками. Даже начало учебного года не омрачало юную жизнь.

Шел урок математики. Нет, не так. Раньше уроки разбивались – отдельно шли занятия по алгебре и геометрии. Так что начинался урок алгебры. В класс вошла запыхавшаяся математичка Александра Леонидовна, высокая молодая женщина с огненно рыжими кудрями и ослепительно белой кожей. Она решила проверить, насколько хорошо мы отдохнули, проводя первую контрольную – иными словами – проверить насколько хорошо мы забыли материал, который она вдалбливала в наши юные головы весь предыдущий учебный год.

Достав свои записи, Александра Леонидовна аккуратно выписала на доске три варианта заданий. Отряхнув привычным жестом перепачканные мелом пальцы, она присела за стол, открывая новый учебник, по которому предстояло учить нас в предстоящей четверти. В классе тишина – дети старательно списывали с доски контрольные задания. Все настроены очень решительно, стараясь доказать любимому педагогу, что не совсем съехали с катушек от летней свободы.

Я тоже внимательно смотрела на доску и... ничего не видела. Нет, я, конечно, видела и доску, и учителя, и ребят, но то, что было написано на доске, казалось мне сплошным белым пятном, я не могла разобрать ни строчки. От испуга и напряжения на глаза навернулись слезы, сквозь которые я немного различила строчки уравнений, но слезы скатились, и все написанное на доске опять слилось вместе.

Я не понимала, что со мной случилось, но чувствовала, что произошло что-то очень нехорошее. Урок близился к концу, а я так и сидела в полном оцепенении, ничего не написав. Через неделю на школьных занятиях я уже сидела в очках. В чем крылась причина моей внезапно возникшей сильной близорукости, врачи тогда объяснить так и не смогли.

Очнулась я оттого, что по щекам текли горячие слезы. Я плакала во сне, как тогда в далеком детстве, когда пришлось надеть противные очки. Не столько оттого, что окуляры на моем аккуратном носике казались мне отвратительными, а больше оттого, что не позволяли мне они уже так свободно прыгать и резвиться как раньше.

Конечно, став взрослой, я давно примирилась со своей близорукостью. Но сейчас вполне реальные слезы застилали мне глаза, и как в далеком безоблачном детстве все вокруг виделось смазанным и не четким. Я сняла очки и промокнула глаза чужим носовым платком. Свет в храме не казался уже таким ярким, но неожиданно я четко и очень резко увидела мелкие детали громоздкого иконостаса. Сильнее протерев глаза, я пристальнее взгляделась в изображения и убедилась, что прекрасно различаю мельчайшие детали картин без очков, без тех самых окуляров, которые продолжала растерянно вертеть в руках.

Что-то жуткое, казалось мне, обитало вокруг в воздухе, наполненном церковными благоуханиями. Будь я более подкована в христианстве, возможно лучше смогла бы понять сцены, изображенные на стенах собора, но сейчас они производили на меня гнетущее впечатление. Из ближнего коридора подул ветерок, принося запах горькой полыни, будто дверь где-то приоткрылась наружу. Мне показалось, что я даже уловила шум непрекращающегося ночного дождя.

Я метнулась в коридор, нырнув за следующую икону, но ничего кроме собственного растерянного изображения в тумане зеркала не обнаружила. Пристально рассмотрев себя в зеркале, я очень понравилась себе без модной оправы на носу. Настроение мое к собственному удивлению улучшилось. Я согрелась, меня неудержимо стало клонить ко сну, и, решив отложить изучение загадочного храма Вовки Климова, я снова прикорнула на боковой лавочке в центральном зале.

На этот раз мне приснился парк моей далекой юности, в котором я любила гулять после занятий. По общественной дисциплине, которую неожиданно ввели на последнем курсе

согласно новым веяниям политики нашего великого государства, необходимо было написать эссе на произвольную тему, и я сосредоточенно старалась придумать что-нибудь этакое заумное.

Не понятно только, почему во сне я делала это в парке, а не в аудитории. Хорошо помню, что тему тогда выбрала действительно философскую – «Проникновение познания в бесконечность». Стоп! Но ведь я не сдала тогда свое сумасбродное сочинение, вернее мой консультант мне категорически запретил это делать, предупредив, что подобные крамольные мысли могут повредить мне в будущем распределении на работу.

К тому времени в деканате уже лежало мое распределение в то самое закрытое НИИ, где я протрубила потом столько лет. Тогда я послушалась и переписала реферат на довольно скучную комсомольскую тему. Но, по иронии судьбы, именно его отобрали на конкурс, посвященный очередному юбилею молодежной организации, где писание мое даже удостоилось почетной грамоты. Но не это главное, а то, что награждение происходило во Дворце Молодежи, где я и познакомилась со своим будущим мужем.

Я резко очнулась от очередного наваждения. На это раз меня колотила такая нервная дрожь, что зуб на зуб не попадал. Какого же было мое изумление, когда я обнаружила, что сижу в собственном авто на переднем сидении рядом с водительским. Ключи от машины мирно лежали передо мной. Светало, в лесу просыпались птички, с мокрых веток стекали капли ночного дождя.

Я вышла из машины в полном недоумении и обнаружила, что находилась в том самом месте, где накануне вечером съехала с дороги. Пересев на место водителя, я первым делом проверила состояние автомобиля. Моя добрая лошадка послушно завелась, и я с изумлением увидела, что она заправлена под завязку. Вот это да! Это как же крепко надо было спать, чтобы не почувствовать как меня кантовали сюда? Или мне все приснилось? Нет, не приснилось. Я прекрасно помнила, что бензобак был почти пуст, когда съехала на лесную дорогу. Утренняя прохлада заставила меня поежиться в легкой кофточке, что была на мне весь вчерашний день. В голове промелькнуло смутное воспоминание о мужском пальто на своих плечах.

Но чужого пальто на мне не было, как впрочем, и собственных очков, в которых я по-прежнему не испытывала необходимости. Окуляры я нашла в сумочке, где они лежали, аккуратно завернутые в чужой носовой платок. Вот ты и прокололся – позлорадствовала я, обнаружив мужской платок, – хотел скрыть следы, а платок-то и не заметил. И тут меня охватил ужас. А что, если каким-то непостижимым образом, под влиянием той аномалии, которая явно проследивалась в стенах странного места, где я провела ночь, изменилось что-то в моем прошлом? Сначала исчезла моя близорукость, затем...

Я отчетливо вспомнила, что там, во втором сне, не послушалась своего наставника и все-таки сдала злополучный крамольный реферат, а значит, не попала на памятный вечер, где познакомилась с мужем. Ужас оттого, что могу вернуться в иную реальность, где меня будет встречать совсем другой человек в качестве собственного супруга, перехватил дыхание.

Внезапно ожили мои сотовые телефоны. Я схватила ближний аппарат и с облегчением услышала знакомый голос. Слава богу, здесь все в порядке, подумала я, пока благоверный не назвал меня чужим именем. Вот, когда мне стало по-настоящему страшно. Я внимательно взгляделась в боковое зеркало – если поверить во весь этот абсурд, то выходило, что не внешняя реальность претерпела какие-то изменения, а изменилась я сама?

И тут я обнаружила на лобовом стекле листок из собственного блокнота. Возможно, от ветра он сполз вниз, и потому я не сразу заметила бумажку, а может, ее специально так прикрепили, чтобы у меня было время придти в себя, прежде чем я прочту записку. Возможно, там были ответы на вопросы, к восприятию которых я была сейчас готова.

Меня трясло так, что я не сразу смогла выйти из машины и забрать клочок бумаги, основательно промокший от утренней росы. Ага! Значит, на всякий случай Владимир все-таки оставил записку, чтобы я не решилась повторить свое ночное путешествие на холм. Мол, переночевала и скатертью дорожка, помог, насколько смог и шагай отсюда, не беспокой меня больше.

«Было бы наивно думать, что ты поверишь, будто все это тебе приснилась, но все же постарайся забыть сегодняшнюю ночь – здесь моя обитель, моя жизнь, только моя. Дорогу открыли, я заправил твою машину, и ты можешь спокойно ехать домой. Отправляйся с Богом! Прощай»

И все, ни подписи, ни кому адресовано послание. Милость мне оказал – глазки подлечил, а что еще? Имя изменил? Да кто ты такой, чтобы вмешиваться в мою жизнь. Злость, конечно, плохой советчик, но мирное воркование мужа в телефоне, будто и не пропадала я нигде сегодняшней ночью, окончательно вывело меня из равновесия. Едва сдерживаясь, чтобы не закричать в трубку, что звать меня не так и нахожусь я не там, я распрощалась с ним, доложив, что задержусь еще немного в дороге. Ну не могла я при таком раскладе спокойно отправиться в обратный путь.

Я решила вернуться и, хочет того Климов или нет, получить разъяснения по всем чудесам сегодняшней ночи. Оставив машину в тех же зарослях, что и вчера, я поспешила на вершину холма. На этот раз собор, освещенный утренним солнцем, не показался мне таким уж величественным как накануне. Двери его оставались крепко запертыми, и никто не встречал меня наверху. Я попыталась постучать в боковую дверцу, но все мои попытки привлечь чье-либо внимание оказались тщетными. Вокруг стояла первозданная тишина, нарушаемая только звуками просыпающегося леса.

Я постаралась припомнить, откуда вчера появился Климов, и прошла немного в ту сторону. За высокой елью скрывалась калитка, толкнув которую я попала на территорию храма со стороны, противоположной центральному входу. Меня немного обескуражил такой простой вход в местную обитель, но отступать я не намеревалась. Здесь по-прежнему было тихо и безлюдно, и я уверенно шагнула внутрь, снова оказавшись в знакомом коридоре. Но сегодня он показался мне уже не таким загадочным. Зеркала не отражали света, поскольку его просто не было. Верхний светильник не горел, а солнечный свет почти не попадал внутрь коридора.

Таким образом, я оказалась перед той самой узкой дверцей, за которой вчера наблюдала мерцание сигнальных огоньков, но сегодня в келье ничего не перемигивалось. Здесь я увидела Владимира, работающего за компьютером. Картинка была в точности такой, как мне привиделась накануне вечером. Мужчина в темной футболке сосредоточенно работал, не обращая на меня внимания. Нет, скорее всего, он меня просто не видел. Я решительно забарабанила в стекло двери. Климов на этот раз не оказался фантомом. Он даже не очень удивился моему появлению, или же сумел хорошо скрыть его.

Он не разрешил мне остаться в стенах своей обители. После бурного приветствия более похожего на неприглядную ссору мы сидели возле калитки, оба пытаясь привести свои чувства в порядок. Отец Владимир был очень недоволен моими ночными похождениями по своему храму, но вот господин Климов, казалось, напротив даже в какой-то степени был рад моему возвращению. Позже я поняла, почему он все-таки пошел на откровенный разговор со мной, но сначала ему пришлось выслушать мои страхи и непонимание случившегося со мною прошлой ночью.

Все дело оказалось в необычном месторасположении храма. Вершина холма являлась точкой аномальной зоны земли с незапамятных времен. Когда Климов впервые приехал сюда, первое, что бросилось в глаза – выход старых тектонических пород на поверхность. Древние монахи, что основали здесь свой приют, неспроста облюбовали именно саму возвышенность,

несмотря на то, что можно было найти более удобное место, хотя бы ближе к источнику воды. Но церковников неудержимо тянуло это таинственное место. Они заметили необычную каменную твердь пород и самое примечательное явление – постоянно подсвеченный необычным сиреневым отсветом небосвод. Неизвестное излучение на вершине холма ионизировало воздух, создавая иллюзорную волшебную подсветку неба.

Конечно, от древнего храма со временем остались одни руины. Жизнь Владимира сложилась так, что бежал он ото всех, а скорее от самого себя прежнего, ища уединение и покой, чтобы можно было снова начать свободно дышать после того, как все в его жизни оказалось разрушенным собственными руками. И, видимо, судьбой было предрешиено начать ему здесь новую жизнь. Зайдя в старую разрушенную церковь, он впервые за долгие годы почувствовал себя спокойно – отпустили головные боли, в душе воцарились мир и спокойствие. Загнанный Климов понял, что нашел, наконец, себе пристанище.

– Не хочешь же ты сказать, что, придя в религию, ты действительно ее принял, а собор этот восстановлен таким как был в старину. Ни за что не поверю, что ты не перестроил его согласно своим планам. Почему здесь зеркальные обратные стороны у икон, почему верхняя люстра в центральном зале, или паникадило, так, кажется, называется такой светильник в церквях, больше похож на источник света в лазерном шоу, откуда такое богатое убранство на иконах? – мне очень хотелось расшевелить Климова, не дать ему уйти в себя.

Я боялась, что человек опомнится и перестанет передо мной откровенничать, а мне так хотелось проникнуть в тайны древнего святилища. Давно в моей размеренной жизни не случилось такого, что можно было назвать настоящим приключением – Приключением с большой буквы.

– Да, ты права. Я не мог не заняться изучением аномальных явлений данного места. Долгие годы я посвятил этому, не забывая, между прочим, и о своих прямых обязанностях священнослужителя.

– И что же тебе удалось узнать? – подтолкнула я его, боясь, что мужчина может прервать свой рассказ.

– Внизу под основанием собора я обнаружил глубокую трещину, очень узкую, но, казалось, бездонную. Гора дышит и сквозь расщелину выделяется некая субстанция – эфемерная, почти незаметная, на уровне сверх элементарных частиц. Эта легкая ионизация воздуха и дает потрясающий эффект солнечного зарева во все время суток. Не знаю до сих пор – как она влияет, и влияет ли вообще на человека, только люди приходят сюда охотно и уверяют меня, что уносят отсюда свет и радость в душе. В благодарность за обретение душевного равновесия они приносят дары, тем и живет храм, тем и процветает.

Что-то не заметила я в себе особой радости от пребывания в холодных каменных стенах – хотелось мне возразить рассказчику. Может, веры не хватало моей душе для того, чтобы понимать чудеса божеские?

– Ну а зеркала то зачем? – не удержалась я от вопроса, который все время вертелся у меня на языке, пока я выслушивала обстоятельный рассказ Климова.

– Они концентрируют излучение, не более того, – довольно скучно ответил Владимир тоном очень уставшего человека.

Только сейчас при свете дня я отметила, как утомленно выглядел мой оппонент. Еще бы не устал. Ведь если судить по моему видению – он всю ночь просидел за компьютером. На какую-то минуту мне стало жаль сидящего очень прямо мужчину, но я вовремя опомнилась. Нет, я не за тем вернулась, чтобы сочувствовать ему – я хотела услышать, нет, я требовала дать ответы на свои вопросы. Конечно, мне нравилось обходиться без очков, но еще неизвестно – исцеление ли это и не вернется ли моя близорукость, как только я съеду с этой возвышенности. Но на самый главный вопрос, который заливал меня липким страхом возможной беды, я не получила ответа до сих пор.

– А относительно своего имени ты не права. Вспомни, как трактуется твое имя в святцах.
– Чего мне вспоминать, если я не имею ни малейшего представления об этих самых святцах.

– Ты не ходишь в церковь.

– Надо же, и как ты догадался? – не удержалась я от ехидства, постепенно заводясь от его самоуверенности, что все стали верующими. Да, может и хотелось иногда уверовать если и не в Бога всемогущего, то хотя бы в некую силу свыше, чтобы защитила, помогла, уберегла. Но что поделаешь, коли относилась я к поколению, которое не верило ни во что – ни в бога, ни в черта, ни в светлое будущее всего человечества, а вынуждено было верить только в собственные силы и карабкаться или выкарабкиваться согласно обстоятельствам, уповая на свои способности и выносливость.

– Имя твое и есть то, что услышала ты недавно от супруга, так что напрасно встревожилась, – ничего не изменилось в твоей судьбе, а если немного и сдвинулось что-то в твоей жизни, то, поверь, только в лучшую сторону, – не обращая внимания на мое возмущение, мягко продолжал Владимир.

И я внезапно успокоилась. Не потому, что поверила его увещаниям, а просто взглянула на все происходящее глазами трезвого человека – будто меня холодной водой окатило. Ну, что я тут делаю, зачем вернулась? Слушать бредни свихнувшегося человека? Чего испугалась? Сейчас наберу номер мужа и прямо спрошу, с какой такой стати он стал называть меня старинным именем. Но связи на холме не было.

Мне вдруг нестерпимо захотелось как можно быстрее уйти отсюда, убежать, скрыться, чтобы никогда больше не видеть ни этого странного человека, ни величавого храма, который приютил меня на одну ночь, а сейчас, казалось, выталкивал отсюда меня, неверующую, неблагодарную. Я поспешно достала чужой носовой платок и протянула Владимиру, прощаясь скупой и стараясь не глядеть на собор, но не удержалась и все же подняла голову. В меня брызнул солнечный луч, отраженный золоченым куполом и я на мгновение зажмурилась. Когда открыла глаза, Климов стоял возле центрального входа, держа в руке тот самый конверт, что вынул из кармана пальто накануне вечером, когда накидывал мне его на плечи.

– Вижу, ты успокоилась и готова уйти. Прощай. Знаю, не вернешься сюда никогда, по крайней мере, пока я здесь живу. Да и не надо тебе этого, но об одном попрошу. Все в этой жизни предопределено. И раз появилась ты здесь, значит, так судьбе надо было – моей судьбе, – пояснил он с нажимом. – Пожалуйста, когда меня не станет, выполни мою последнюю просьбу. Тебя это не затруднит, а мне намного легче думать, что мою последнюю волю исполнит не совсем чужой человек.

– Ты, что помирать тут собрался, – довольно резко вырвалось у меня, скорее от неожиданности подобного поворота разговора, нежели от грубости.

Собеседник никак не прореагировал на мой выпад. Окончательно войдя в образ священника, Климов стал обстоятельно разъяснять, что всего лишь просит в нужное время вскрыть конверт со своим завещанием, которое намерен передать мне на хранение. Я старалась отказать от столь неожиданной обязанности, мотивируя тем, что не представляю, как смогу узнать об его кончине вовремя, да и потом, где гарантия, что к тому времени сама буду жить на белом свете. Свои возражения я легко проговорила одним духом, поскольку последние слова бывшего одноклассника лишний раз убедили меня в его ненормальности.

Я так и не взяла конверт у отца Владимира. Вернувшись, наконец, домой я с пристрастием допросила своих домочадцев, как они провели без меня прошлую ночь, но ничего странного или непонятного в своем доме не заметила – ничего, кроме того, что отпала необходимость моя в очках, а муж продолжал называть меня непривычной интерпретацией моего имени. Но ответ на эту загадку оказался довольно прост.

Короткая вечер в одиночестве, супруг мой решил почитать книжку, и первое что ему попало на глаза в нашей собственной библиотеке, оказался толкователь имен и снов. Я смутно помнила, что когда-то в командировке на небольшом полустанке во время короткой остановки от нечего делать купила эту аляповатую брошюрку. Там и нашел муж несколько вариантов моего имени, его старинное звучание ему очень понравилось.

Я успокоилась. Но, отсутствие очков на собственном носу, как ни странно, меня раздражало. Возможно потому, что я чувствовала себя немного виноватой, что напрасно набросилась с упреками на Климова, а скорее всего от того, что не взяла у него конверт. Я не нравилась себе в зеркале без привычного блеска стразов, модно украшавших мои прежние окуляры. В конце концов, чтобы окончательно придти в себя, да и во избежание лишних вопросов, я стала носить очки с простыми стеклами.

***

Прошло более двух лет. В разгар новогодних праздников на Рождество, когда город заливался колокольным звоном, приснился мне удивительный сон. Сновидение было таким четким, будто в голове прокрутили видеоролик. Снилось, что время уже позднее, в доме моем все мирно спали, но ночную тишину вдруг нарушил настойчивый звонок в дверь.

Мне очень не хотелось выползть из теплой постели, а звонок все никак не прекращался, и мне пришлось встать на его тревожный зов. Но, еще не дойдя до входа, дверь неожиданно исчезла, а за порогом оказался отец Владимир. Климов стоял в белом балахоне, весь в ярком сиянии солнечного света. Мужчина безмолвно и спокойно смотрел на меня, будто это и не он вовсе только что так настойчиво трезвонил в мою дверь. Только я попыталась спросить, зачем он тут, как видение исчезло, а я проснулась. Сердце бешено колотилось в груди, во рту пересохло. Мне понадобилось несколько минут, чтобы придти в себя и осознать, что это сон. Всего лишь сон!

Под впечатлением странного сна я находилась все те несколько дней, что оставались до выхода на работу. Первый же рабочий день преподнес мне большую неожиданность. Никита Андреевич вместо обычной просьбы о доставке документов, протянул пакет со словами, что пришла бандеролька по адресу его конторы, но на мое имя.

Вскрыв пакет, я обнаружила внутри стандартный конверт, который мне показался знакомым. Ну, конечно же, это тот самый, с завещанием, который просил не так давно принять на хранение Климов. В конверте лежал электронный диск и записка, в которой Владимир просил меня лично передать все это в университет на кафедру, где работал в студенческие годы. И ни слова о своей жизни, если жив, конечно.

Я выполнила просьбу необычного ученого. Весной, проезжая по той кривой дороге, что привела меня когда-то к восстановленному храму, я не удержалась и решила вновь побывать на величавом холме. На этот раз при свете дня первое, что бросилось в глаза, это полное отсутствие сияния церковных куполов.

Двери собора были приоткрыты. Когда я зашла туда, никто не обратил на меня внимания. Несколько женщин, закутанных в темные платки так, что невозможно было определить их возраст, не спеша расставляли вазы с цветами по центральному залу. В дальнем углу, за которым, как помнилось, находился вход в зеркальный коридор, никого не оказалось. Я медленно направилась туда, намереваясь незаметно заглянуть внутрь, но неожиданно уперлась в глухую стену. Только сейчас, оглядевшись, я почувствовала, что изменилась вся геометрия внутреннего помещения церкви – стены будто раздались в стороны, а потолок стал ниже. Не было и того лучезарного сияния, что заманило меня в это место два года назад.

Покидая собор, я не удержалась и спросила одну из женщин, что случилось с отцом Владимиром, и почему нет теперь прежнего света на холме. Пожилая прихожанка не стала открывничать со мной, просто ответила, что, значит, пришло его время, вот и перешел человек в иной мир, одно жаль, и небесный свет с собой унес. В ту ночь, когда умер Владимир, даже

гора скорбела так, что стены храма содрогались от горя. Прихожане боялись, что останутся без собора, но стены выдержали, хотя свет божественный исчез.

Я не стала более расспрашивать местное население. Мне и так стало все понятно. Скорее всего, предчувствуя близкую кончину, Климов уничтожил все свои научные изыскания, раздавив стенами центрального зала зеркальный коридор, и замуравав таким образом свой кабинет. Из четырех пристроек я нашла только одну комнатку, ту самую, в которую привел меня тогда Климов. В ней продавали нехитрые церковные принадлежности, но никакой дверцы, выходящей внутрь собора, там не оказалось. Глухая стена в том месте была сплошь заставлена полками с церковными книгами.

На склоне недалеко от памятной калитки я заметила небольшое захоронение. Еще не дойдя до оградки, я догадалась, кто там был погребен. Судя по дате на табличке, прикрепленной к простому деревянному кресту, тогда ночью на Рождественской неделе во сне со мной прощался Вовка Климов на девятый день своего небытия. Что он передал своему университету, какие тайны науки открыл, меня не интересовало. Неординарного человека не было больше в живых – кончилась Сказка Вовки Климова. А моя кривая вернула меня на прямую дорогу, к счастью ли, к сожалению? Не знаю...

Возвращение

В зимнюю сессию, когда сильные морозы, это даже хорошо, просто замечательно. Сидишь себе, а еще лучше лежишь себе на диване под мягким пледом и спокойно готовишься к очередному экзамену. Никто тебя не тревожит, не зовет никуда. И никаких соблазнов куда-либо пойти, а куда тут пойдешь в тридцатиградусный мороз, да еще с ветром. Но вот экзамены позади и ура! Свобода! Первая сессия первого курса успешно завершена – сейчас только и разгуляться. Но, нет же! По закону подлости морозы не только не прекращаются, а еще больше усиливаются, вдобавок начинаются сильные снегопады с обжигающим ветром и заносами на дорогах так, что о поездке за город покататься на лыжах нечего и думать. Вот и остается только опять лежать на диване с книжкой. Но читать много не могу – глаза быстро устают, по этой же причине не смотрю долго телевизор.

Карие глазки на бледном лице были моим слабым местом с третьего класса. Надо признать, что слабым в моем теле стало все с тех пор, как переболела я в детстве какой-то сильно опасной болезнью. К тому же сразу после этого еще и аппендицит вырезали, оставив на животе очень неприглядный шрам, поскольку и аппендикс-то у меня оказался непростым – чтобы до него добраться хирургу пришлось основательно покопаться в моих внутренностях. К досадному удивлению организм мой после всех этих напастей стал вдруг сильно набирать вес, и к старшим классам я уже пребывала довольно полной девочкой. Но странное дело – никакого неудобства от этого я не испытывала. Сверстники меня не дразнили, не задевали, напротив, я точно знала, что относились они ко мне вполне дружески. Училась я всегда очень хорошо, несмотря на частые отсидки дома по причине очередной прилипшей ко мне болячки. Я всегда первой решала заумные задачки нашей математички, и никогда не отказывала ребятам списывать свои решения. Возможно, на доброе отношение ко мне сказывался и статус моего отца, который в то время занимал пост главного инженера крупного завода, а мамочка в свою очередь активно помогала в организации всевозможных школьных мероприятий.

Собственную персону хорошо помню только с семи лет, с того памятного дня, когда впервые притопала в школу первоклашкой. Собственно необычные слова встретившей нас учительницы и обратили тогда мое внимание на самое себя.

– Ой, да какая ж ты беленькая, как зимний зайчик, – воскликнула она, изумленно глядя на меня.

И действительно, на фоне остальных ребят я смотрелась, как заяц-беляк – вся в белых бантах в волосах цвета хорошо отбеленного льна, и кожа у меня оказалась очень светлой, и ресницы, и брови, только глаза, как ни странно, оставались темными – карими. Позднее, узнав, что дети обычно бывают похожими хоть на кого-то из своих родных, я стала приставать к родителям – а на кого же похожа я? Отец мой выглядел очень рослым темноволосым, смуглым мужчиной, а мамочка, хотя и подкрашивалась постоянно в золотистую блондинку, но от природы тоже была довольно смуглой шатенкой. И только глаза у моих родителей были такими же, как у меня – темно-карими.

Надо сказать, что из-за моего слабого здоровья в детстве, маме пришлось оставить научную работу в университете на кафедре экономики. С тех пор она так привыкла не обременять себя каждодневными походами на службу, что сейчас и представить не могла – как это можно существовать иначе – без регулярных посещений своего любимого дамского клуба, спортивного бассейна, косметических кабинетов и разных магазинов и магазинчиков. Папочку моего подобный расклад вполне устраивал – наши финансы давно позволяли вести семье безбедный образ жизни. Зато благодаря тому, что хозяйке не надо было каждый будний день спешить на работу, дома у нас всегда было сытно, тепло и уютно.

Справедливости ради необходимо отметить – несмотря на то, что мамочка нигде не работала, свою профессиональную квалификацию от домашнего сидения она отнюдь не потеряла. Более того, поскольку ее всегда привлекала такая дисциплина, как экономика, она старалась, как сама говорила, держать руку на пульсе развития нашей страны (или упадка – это с какой стороны обозреть). Новейшие материалы по интересующей тематике ей поставляли многочисленные друзья. А друзей она имела много из разных кругов и направлений быстро меняющегося общества. Позже появился еще один сильный источник информации – незаменимый Интернет. Собственно благодаря эрудированной супруге отец не только не потерял свои сбережения, когда в стране произошел пресловутый денежный обвал, и многие люди лишились всего, что смогли честно заработать в своей советской жизни, но и успешно приумножил их в дальнейшем, что позволяло нам теперь жить вполне обеспеченно.

Особых школьных подруг у меня так и не осталось. Девчонкам постоянно хотелось куда-то бежать играть, а с класса восьмого во всю прыть начались гонки за внимание мальчишек, танцы и походы за город. Мне конечно за ними было не угнаться, да я и не очень старалась. Слишком хорошо помнила, чем закончились для меня волейбольные прыжки на школьном дворе, когда, не выдержав статуса одинокого зрителя, решила тоже побегать за мячиком. После этого физкультурного порыва лежание в больнице под капельницей в яркие майские дни окончательно отбило у меня охоту пробовать себя в так называемых подвижных играх.

Но имелся у меня один преданный дружок – Валька Попов. Жили Поповы в соседнем доме, и мы учились с парнем в одной школе вместе с первого класса. Казалось, он один только не замечал, что я шире своих сверстниц как минимум в два раза. Что я не бежала, когда нужно убежать – и вся промокала под проливным дождем, не прыгала, когда нужно перепрыгивать – и шлепала прямо по луже, и не козила на одной ножке от радости, когда надо восторгаться – а просто смеялась от всей души, но стоя на месте.

От рождения у меня было отличное зрение и в первом классе, как примерную спокойную девочку, меня посадили на последнюю парту с самым высоким и непоседливым мальчишкой Пашкой Любимовым. Был Пашка выше всех на голову, и когда мамочка покупала одноклассникам одинаковые майки для занятий по физкультуре – ему приходилось брать на два размера больше. Поначалу парень доставал меня своим поведением, постоянно пытаюсь разложиться на парте так, что мне некуда было девать свои локти. Но я стойко не реагировала на все его хулиганские выходки, и тогда он переключался на соседние парты.

А после болезни зрение мое резко ухудшилось, пришлось надеть очки, и меня пересадили на вторую парту. В то время своими габаритами я уже занимала больше половины школьного стола, и в соседи мне определили самого тщедушного паренька Вальку Попова. С тех пор и началась наша дружба. В дальнейшем у нас с ним сложился удачный тандем в освоении школьной программы. У Вальки были большие нелады с математикой. Он благодарно принимал мою помощь в решении задач, причем мои объяснения заумных теорем ему почему-то казались намного понятнее, чем в изложении нашей гениальной математички – заслуженного учителя чего-то там.

Мне же, в свою очередь, из всех предметов не покорялся только один – английский язык. Не знаю, почему он давался мне с большим трудом – то ли из-за длительных пропусков занятий по болезни, то ли отсутствием в нем строгих закономерностей, которые меня так привлекали в точных дисциплинах. Валька же, напротив, схватывал иностранный язык на лету, прекрасно разбираясь не только в грамматике, но и без особого труда осваивая разговорную речь. И уже в старших классах обычно урок английского у нас начинался с беглого Валькиного доклада преподавателю о местной классной жизни. Англичанка испытывала особенное удовольствие от его грамотной речи и, забываясь, могла так проговорить с любимым учеником пол-урока. Мы, довольные тем, что на нас, простых смертных, останется тем меньше времени, чем дольше

они пообщаются, старались сидеть тихо, делая умные выражения на мордах, будто с пониманием внемлем их разговору.

Валька настолько вошел во вкус изучения иностранных языков, что дополнительно стал посещать занятия по немецкому языку и к концу школы успешно освоил и его. Именно благодаря натаскиванию талантливым дружкой, я все-таки осилила школьную программу по английскому, надеясь, что в выбранном ВУЗ`е не будет особых к нему требований. Попов же конечно выбрал факультет иняза, где решил изучать сразу несколько европейских языков.

С Валькой мы близко сдружились только когда оказались за одной партой. До этого я дружила со всеми одинаково, как это бывает в раннем детстве – все туда и ты туда, все так играют и ты так же. Но после болезни, набрав лишний вес и потеряв прежнюю маневренность, я уже не могла поддерживать ребячьи затеи и осталась бы одна – одинешенька в своем медленном передвижении по школьным дорожкам, если бы не Валька. Казалось, он совсем не замечал моей полноты, во всяком случае, я никогда не ощущала своей неповоротливости, если рядом находился он. Дружок обычно умудрялся так подстраиваться под мой шаг, что мне всегда было легко шагать рядом с ним.

Не знаю, почему мама не очень одобряла нашей дружбы, хотя и не препятствовала ей – просто игнорировала присутствие в моей жизни Вальки Попова. Но при этом, несмотря на такое настороженное отношение к однокласснику, она охотно отпускала меня на разные мероприятия только в том случае, если дружок меня сопровождал. И я понимала, что все-таки она ему доверяла – меня доверяла. К тому же к концу школы Попов из хиленького паренька превратился в высоченного широкоплечего парня, на которого мало кто осмелился бы полезть с кулаками.

В школьные каникулы мы, как правило, вместе с Валькой ездили в детские лагеря, причем для меня отец обычно доставал путевку в оздоровительную смену, а мамочка умудрялась туда пропихнуть и Попова. В старших классах парень выглядел уже таким атлетом, что вряд ли ей удалось бы пристроить его вместе со мной. Но и тогда мама все-таки нашла выход и стала оформлять Вальку в лагерь инструктором по физкультуре, только чтобы не оставлять меня без присмотра, а тому за это еще и деньги платили.

Оба мы сейчас учились на первых курсах. Сессии наши закончились почти одновременно, и можно было, наконец, расслабиться, но никаких особых планов на каникулы не намечалось. Прогноз погоды оставался нерадостным – сплошные крепкие морозы. И все равно, несмотря на жуткий холод, Вальке сегодня не сиделось дома, но вместо того, чтобы зайти, он кидался снежками в окно моей комнаты. Попов редко заходил к нам домой, особенно с тех пор, как мы закончили школу. Я поначалу недоумевала – какая кошка пробежала между ним и мамочкой, а спросить об этом напрямую так и не решалась. Но факт оставался налицо – Валька никогда не заходил за мной, если мама была дома – а дома, особенно зимой, она находилась почти всегда. И если Валька звонил по телефону, мама жестом подзывала меня к аппарату, предпочитая не называть парня по имени.

Иногда, чтобы укрыться от ливня или отогреться с мороза, тайно от родителей я заходила к Поповым. В квартире у них неизменно было чисто прибрано, все разложено по полочкам, не в пример нашему дому, где обычно по всем комнатам валялись журналы, тряпки и разные безделушки, которые и выбросить жалко и куда пристроить не знаешь. Но именно такой богемный беспорядок придавал, на мой взгляд, нашему жилищу какой-то особый уют – среди родных стен мне всегда было спокойно, я чувствовала себя здесь защищенной от всех напастей и невзгод.

А в доме Вальки строгая прибранность произвольно вызывала у меня ощущение холода и беспокойства. Попов – старший работал инженером-технологом на том же заводе, что и мой отец, но я никогда не видела их вместе и долгое время считала, что они даже не знакомы. Валькина мама торговала в местном магазинчике в хлебном отделе и вот ее-то моя мамочка

обязательно должна была знать, хотя бы по встречам на родительских собраниях в школе. Но странное дело и с ней мои родители никогда не здоровались, как будто и не были знакомы или делали вид, что не знают друг друга. Поначалу я решила, что в случае с Поповыми родители проявляли некий снобизм, тем более что отец Вальки часто возвращался домой под градусом, а папочка мой терпеть не мог выпивох.

Позже я узнала, что пить Попов начал после гибели старшего сына. Много лет назад у Вальки трагически погиб братик, когда возвращался из школы. В то время мальчик учился в первом классе, а Вальке было всего два года, и он, конечно, ничего такого не помнил. И только недавно узнал об этом совершенно случайно из нечаянно подслушанного разговора соседок, когда те судачили о непотребном виде проходившего мимо них Попова – старшего. Одна из женщин строго осуждала, а другая, напротив, сочувствовала, поясняя, что трудно смириться с гибелью собственного ребенка. Как произошло несчастье, Валька так и не узнал – никак не мог набраться храбрости и расспросить родителей, но зато с тех пор многое в их отношениях между собой ему стало более понятным, и в какой-то степени объясняло то, почему в их доме невыносимо тускло и уныло.

Однажды Валька мне даже показал фото своего погибшего брата. В книжном шкафу во втором ряду у самой стенки он как-то обнаружил старый фотоальбом. Там и нашел семейную фотографию, где рядом с его родителями стоял маленький мальчик, а самого Вальку по причине грудного возраста мать держала на руках. В этом же альбоме мы разыскали еще одно фото – где мальчик стоял вместе с такой же маленькой девочкой возле новогодней елки. Было жутко думать о гибели ребенка, и мы старались больше об этом не вспоминать.

Я знала, что снежки будут бомбардировать мое окно до тех пор, пока не выйду на улицу. С трудом отрываясь от теплого дивана, я оделась потеплее и, похожая на Вини Пуха – альбиноса, вывалилась во двор. Вальке как всегда и мороз нипочем. В курточке, в которой бегал с поздней осени до ранней весны, и вязаной шапочке, он козлил вокруг сугроба, готовясь залезть новый снежок в мое окно, но, заметив меня, послал снежный комок в мою сторону. Я даже не попыталась увернуться – знала, что бойкий знак приветствия попадет куда угодно только не в меня. Вот и на этот раз снежок плюхнулся точно возле моих ног. Раскрасневшийся на морозе дружок тут же радостно огласил обширную программу нашего совместного времяпровождения на ближайшую неделю каникул. Сегодня мы должны были отправиться на просмотр нового фильма на английском языке.

Это постоянное увлечение Вальки – таскаться на просмотры не дублированных иностранных фильмов. Ему конечно удовольствие, он-то все разумел, да еще взял моду допрашивать меня после сеанса, что я там поняла. Попов считал, что нет лучшего способа в освоении иностранной речи, чем просмотр таких фильмов, раз уж мы не можем регулярно посещать зарубежные страны. Ну, конечно, последний аргумент меня убеждал больше всего. Можно подумать, что нерегулярное посещение этих стран не было для него проблемой, просто он полагал этого не вполне достаточным. Я тогда долго смеялась над его неоспоримым доводом, но согласилась ходить на просмотры только фильмов на английском языке, сам же Валька умудрялся смотреть все подряд. Забегая вперед, скажу, что по окончании университета мой друг знал в совершенстве пять основных европейских языков и уже неплохо этим зарабатывал. Но наша взрослая жизнь была далеко впереди, и рассказываю я сейчас историю совсем о другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.